

ГЕОРГИЙ ТОТСЪ.

НА ЗЕЛЕННОЙ ЗЕМЛѢ.

В память
стихи.
Михайлу
Владимиру
обо мне
всему
Безродному
Саше

9 / 11 19 19 15.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Типо-литографія «ЕВГ. ТИЛЕ преемн.», Петроградъ, Лифляндская, ул. д. 6.

Моей матери.

СТИХОТВОРЕНІЯ

НАПИСАНЫ ГЕОРГИЕМЪ

ТОТСЪ НА БЫСТРО-

ЛЕТЯЩЕЙ ЗЕМЛѢ

ВЪ ЗЕЛЕНЯХЪ

ИЗУМРУД-

НЫХЪ.

1455

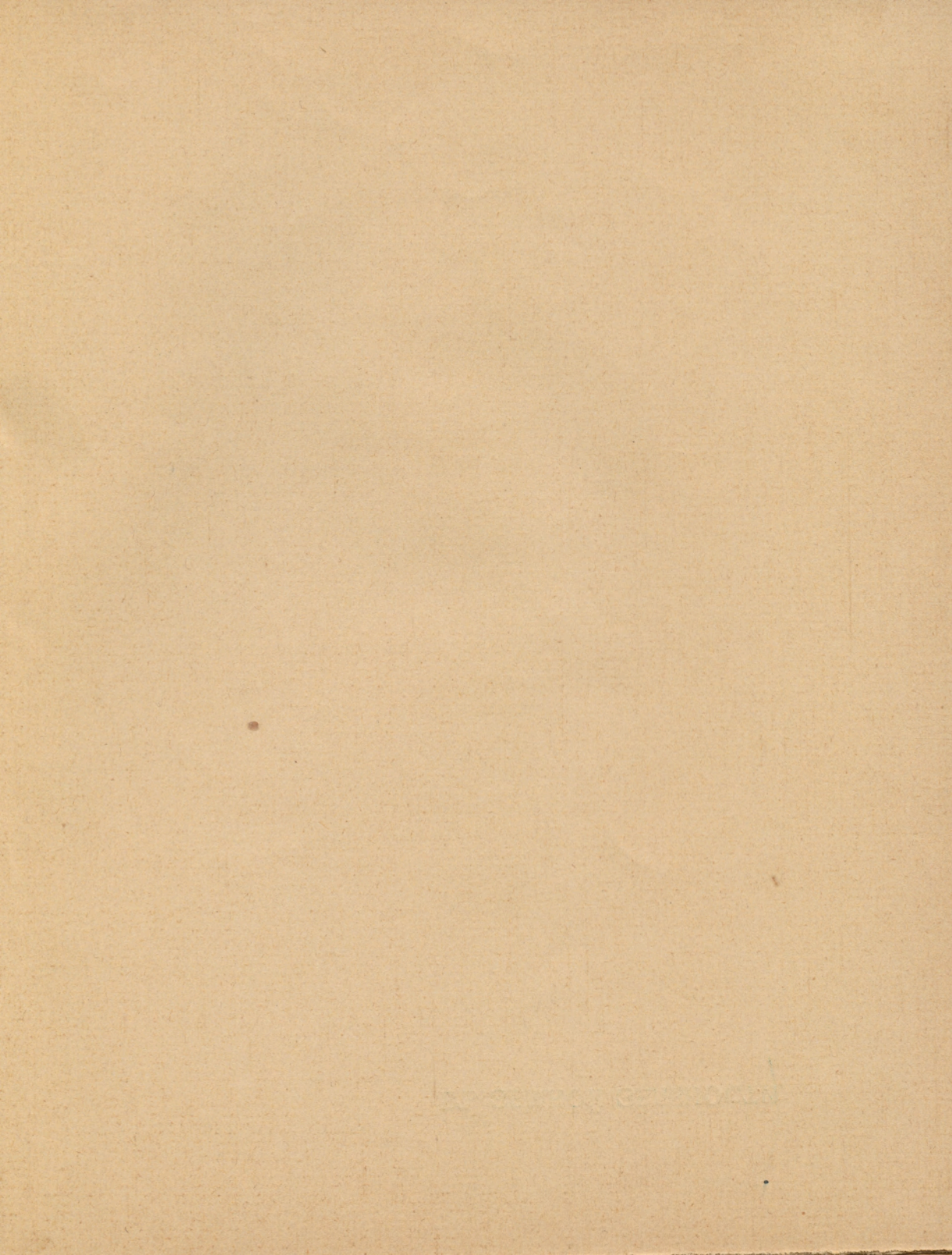
15. X. 121.

ВОЗВѢЩЕНІЕ.

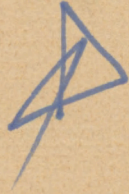
Себя я назвалъ садомъ благовоннымъ
Неограниченныхъ возможностей, потому
Когда-то я сказалъ въ томленіи безсонномъ,
Что я иду сверкающимъ мостомъ,
Прокинутымъ надъ безднами людскою
Къ сіянью завершительнаю Я,—
Оно—мой Богъ, въ предѣлахъ сна земною
Оно—награда вѣрная моя!
Мой путь далекъ, и цѣль моя святая
Свершитъ кольцо, придя назадъ къ тому,
Что съ жизнью отодвинулось во тьму,
Лишь изрѣдка лученья посылая...
Покинувъ Я, какъ замыселъ прекрасный,
Вошелъ я въ Ночь, и вотъ опять хочу
Прийти къ Себѣ, стремясь сквозь мракъ ненастный,
Подобно одинокому лучу.
Я—Садъ Возможностей, и я хочу бутоны
Преобразить въ юрящіе цвѣты,
Хочу явить, окутанное въ звоны,
Искусство завершенной красоты...
И мыслю я, что каждое созданье
Должно свои возможности понять—
И завершить Кольцо Существованья
И Замыселъ Великій оправдать!

ВЪ ЗЕМНОЙ ЗЕЛЕНОСТИ.

1418

15. IX. 1922.

Точно щить, оброненный нечаянно
Съ бирюзово-лучистыхъ небесъ,
Блещеть озеро, съ далями спаяно,
Отражая смарагдовый лѣсъ.

И надъ лѣсомъ гирляндою бѣлою
Протянулася цѣпь облаковъ...
Вѣть вѣтеръ влюбленностью смѣлою
По дрожащимъ головкамъ цвѣтковъ.

Млѣть солнце въ ликующей сладости,
Трепещъ въ голубомъ хрусталѣ...
И я плачу, я плачу отъ радости,
Что я здѣсь, на Зеленой Землѣ!

1304

7. II. 12.

ВЕСЕННЕЕ.

1.

Первые грезы. Истома. Тѣло какъ бѣлый цвѣтокъ.
Ласковымъ токомъ струится вечеровой вѣтерокъ.

Руки ли я простираю—въ трепетной мукѣ—впередь,—
Кажется мнѣ: замираю въ ласковой зыбкости водъ.

Гдѣ-то пурпурныя губы,—дальнее солнце мое.
Вся я—цвѣтокъ устремленный. Сладко пьянить забытье.

Ласковый ластится запахъ: бѣлые виснуть цвѣты,
Въ грезахъ предчувствіе близкой и огневой темноты.

Кажется: въ тѣло струится вечеровой вѣтерокъ.
Дрема. Забвенье. Прохлада. Тѣло—какъ бѣлый цвѣтокъ.

2.

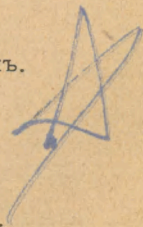
Первые тучи—далеко—въ жаркій томительный день.
Первые мысли о миломъ. Нѣга. Мечтательность. Лѣнь.

Вѣтеръ—такой мимолетный—сладко скользнулъ по рукамъ...
Чьи-то склоняются губы къ полуоткрытымъ губамъ.

Вѣки упали. Дремота... (словно подъ лепетъ ключа).
Вотъ прикасается кто-то: ласка руки горяча.

Солнце ударило пьяно въ сонъ задремавшихъ рѣсницъ:
Тысячи взвихрилось бѣлыхъ и ослѣпительныхъ птицъ.

Красныя, страстныя губы... какъ же ихъ ласка тепла!
Снова упали рѣсницы. Нѣга. Лучистая мгла.

1305

1757

20-21. IV. 14.
Олимпиа.

У ВЗМОРЬЯ.

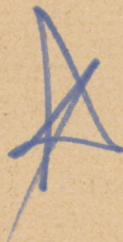
Волны шумятъ, набѣгая на берегъ отлогій...
Темныя, сочныя сосны ихъ голосу вторятъ...
Синія въ свѣтлую даль убѣгаютъ дороги.
Я забываюсь въ лепечущей музыкѣ моря...

Падаютъ сонно рѣсницы подъ солнца лучами...
Миръ золотистаго блеска горитъ предо мною...
Грезитъ душа отдаленно-прекрасными снами...
Сладостно мнѣ отдаваться палящему зною...

Съ шопотомъ, съ шелестомъ, съ шорохомъ шелковыхъ тканей.
Волны плывутъ и сверкаютъ подъ сводомъ лазурнымъ.
Яркое золото взморья въ горячемъ туманѣ...
Берегъ и волны и я—въ упоеньи безбурномъ!..

1632

Ч. VII. 13.

ВЕЧЕРНІЯ МГНОВЕНІЯ.

Очарованіе вечерняго уюта
Съ лучами алыми нисходитъ на поля...
Прозрачной синевою со всѣхъ сторонъ замкнута
Молчитъ молитвенно Зеленая Земля.

Одѣты прелестью закатно-золотистой
Стоять въ поляхъ скирды, плоды земныхъ работъ...
Вдоль ласковой травы, душистой и росистой,
Бѣжить въ лѣса тропа... О, кто по ней пройдетъ!

Душа моя груститъ, душа моя мечтаетъ,
Ей вспоминаются видѣнья бытія.
Земля—какъ водоемъ, въ который упадаетъ
Очарованія беззвучная струя.

Изъ океана травъ ключи благсуханій
Забили въ сумерки, таинственно-легки...
Душа, не отвергай земныхъ очарованій,
Ненужную печаль съ желаній совлеки!

Прислушайся: какъ звонъ, пунцовыми кругами
Отъ солнца рдянаго струится тишина...
Забудься и усни съ вечерними лугами:
Земля—какъ колыбель, а ты—утомлена.

И вотъ увидишь сонъ: просторы нивъ желтѣютъ,
Въ лазурь прозрачную восходятъ дерева,
Вдоль блестящихъ озеръ дремотно вѣтры вѣютъ
И зеленѣетъ нѣжная трава.

19. VII. 1911.

Ночь окутала стройныя сосны..
Ну, давай цѣловаться!..
Всѣ лужайки такъ росны
И въ росѣ такъ истомно купаться.

Тамъ вдали, за вѣтвями, тревожно
Приумолкли всѣ птицы..
Ахъ, теперь уже можно
Бархатистой коснуться рѣсницы!

Расплети темнокудрую косу:
Для дремотной забавы
Мы съ тобой соскользнемъ по откосу
Въ благовонныя травы.

1724
25. Т. 14.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Я помню мигъ, когда впервые
Я дѣвы губы цѣловаль...
Сырою мглю лугъ дышалъ
И мѣсяць огненный кидаль
Въ сырую мглу лучи прямые.

Мнѣ помнится зубовъ оскаль
И глазъ подлунное блистанье,
И учащенное дыханье,
И грозный, сладостный проваль
Внезапно вставшаго молчанья.

Я помню властное желанье
Во мнѣ вскипѣвшее въ тотъ мигъ...
Я помню запахъ косъ густыхъ
И подъ губами губъ чужихъ
Таинственное замиранье...

Вставаль туманъ съ луговъ ночныхъ
И возносился въ воздухъ лунный,
Горѣлъ чертежъ золоторунный
Въ пространствахъ Вѣчности пустыхъ,—
И духъ туманилъ сонъ безумный.

1742

18

31. V. 41.

Извѣчный Ночи хмель таится и въ тѣлахъ.
И насъ охватываютъ страстныя желанья.
И дѣвушка не спитъ, безумствуя въ мечтахъ,
И юноша спѣшитъ на жгучее свиданье.

Безстрастный свѣтъ струить Луна изъ глубины,—
И все земное вверхъ стремится съ вождельнѣемъ.
Душа волнуется волненіемъ Луны:
Луны таинственно безумящимъ волненѣемъ.

И дѣвушка не спитъ. Мечты ее томятъ.
Ей хочется нагой бѣжать въ ночные дымы.
И вотъ она, дрожа, выходитъ въ мгlistый садъ,
И бродитъ до зари въ тоскѣ непостижимой.

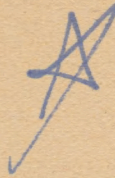
Въ эфирной высотѣ блещитъ Луны опаль.—
И воздухъ и душа пьяны его лучами...—
И сосны черныя въ полуночный проваль
Чугунными восходятъ облаками.

Повсюду пряный токъ ароматичныхъ пьянствъ.
Расходятся пути, какъ сумрачныя змѣи...
Куда-то въ глубину бѣлѣющихъ пространствъ
Уводятъ дымныя, замгленныя аллеи.

Нѣтъ больше силъ мечтать! Расплавилась Луна
И лавою перетекаетъ въ тѣло.
Я жажду прежней тьмы: душа утомлена!—
Я жажду жгучести послѣдняго предѣла!

1471

2. XI. 12.

ДВА ПОРЫВАНИЯ.

Отъ грезящихъ далей, отъ темныхъ вѣтвей
Безшумно струятся потоки тѣней.

Въ дремотную воду глядящій Нарциссъ—
Сверкающій Мѣсяць надъ Мiромъ повисъ.

Сдвигаются тѣни, какъ тысячи горъ,
И тѣло съ душою ведутъ разговоръ.

— „Ахъ, сладко желанье! Ночные цвѣты
Раскрыли во мракъ горячіе рты.

Тамъ Жизнь молодая въ гирляндахъ изъ розъ
Свершаетъ свой танецъ подъ музыку грезъ...

Отдайся желанью! Желанье—потокъ!..
Тоскливое тѣло—безвольный цвѣтокъ!“...

Но свѣтлой рѣкою въ стѣнахъ камыша,
По дальнему морю тоскуетъ душа,

Ей грезятся шири просторовъ морскихъ,
Ей снится далекій, довременный мигъ...

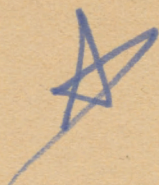
Ей хочется къ Богу, ей хочется къ Я,—
И кажется тусклымъ огонь бытія.

Но снова несутся—какъ яркій прибой—
Земныя желанья шумящей толпой:

— „Отдайся объятьямъ: восторги страстей,
Какъ алое ложе горящихъ углей,—

И въ рдѣющемъ морѣ багряныхъ цвѣтовъ
Развѣются паромъ видѣнія сновъ!“

21. VII. 13.

ВЪ НОЧНОМЪ.

Свой таинственный свѣтъ
Разливаетъ надъ лѣсомъ Луна,
Лѣсъ тѣнями одѣтъ—
И черна неживая волна,
Звуковъ нѣтъ—
И глухая вокругъ тишина.

Тяжелѣетъ вода
И томительно пахнуть цвѣты...
На востокъ Звѣзда
Прорѣзаетъ моря темноты..
Какъ всегда
Закипаютъ безумно мечты.

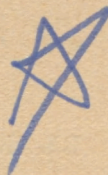
Въ благовоньяхъ лѣсныхъ
Насладиться полночнымъ спѣша,
Въ дуновеньяхъ ночныхъ
Расширенною грудью дыша,
Въ этотъ мигъ
Приобщается къ Миру душа.

Стародавнюю былъ
Раскрываетъ изъ тѣмы тишина...
Изумрудную пыль
Изливаетъ въ туманы Луна...
Столько миль
До ея свѣтозарнаго сна!..

Принимая привѣтъ,
Изливаемый дальней Луной,
Лѣсъ, тѣнями одѣтъ,
Затаился надъ черной водой...
Граней нѣтъ
Между мной и ночной темнотой!..

1603.

28. IV. 13.

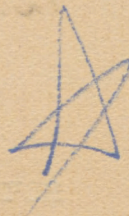
ВЪ БУРНУЮ НОЧЬ.

Въ волнистой мглѣ ночной лазури
Челнокъ расколотый—Луна...
Безумнымъ летомъ дикихъ фурий
Несется вѣтеръ въ мощной бурѣ...
Деревья гнутся. И волна
Кипитъ во мракѣ, вспѣнена.

Въ волнистой мглѣ ночной лазури,
Какъ погибающій челнокъ,
Луна исчезла. Въ стонѣ бури,
Какъ въ дикомъ летѣ страстныхъ фурий,
Я трепещу... я одинокъ...
Я—тонкій сломанный цвѣтокъ...

Клубится небо въ дымныхъ тучахъ,
Кой-гдѣ сквозящихъ серебромъ...
Несутся рои дѣвъ летучихъ...
Толпою витязей могучихъ
Кричатъ деревья... Гуль и громъ
Кипятъ въ безуміи ночномъ...

Клубится небо въ дымныхъ тучахъ,
Какъ торжествующій потокъ...
Кричатъ деревья въ ласкахъ жгучихъ...
Несутся толпы дѣвъ летучихъ...
Я трепещу... я одинокъ...
Я—смятый, крохотный цвѣтокъ!

МИГЪ.

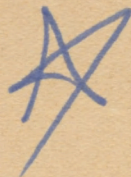
Былъ тихій вечеръ. Мнилось: наклонялся
Какой-то призракъ въ сказкѣ тишины.
Межъ дремныхъ сосенъ мѣрно раздавался
Приплескъ волны.

Пылалъ закатъ въ дыму голубизны...
И вечеръ никъ. И вѣтеръ чуть ласкался,
И навѣвалъ мечтательные сны.

И все полноѣ вечеръ наклонялся.
Вотъ замерцали звѣзды съ вышины...
И въ полумракѣ дремно раздавался
Приплескъ волны.

1588

12. II. 13

НОЧНОЙ МИГЪ.

И блѣдный ликъ серебряной Луны
Возсталъ въ лучахъ надъ освѣтлѣвшимъ боромъ,
И чуткое дыханье тишины
Коснулось мыслей жалящимъ укоромъ...

— Ужели не доволенъ ты земнымъ? —
Взгляни на лѣсъ, вдохни благоуханья!..
Внимай, внимай: какъ елезримый дымъ
Въ небытіе уносятся мечтанья! —

Цвѣты цвѣтутъ. Ихъ аромать пьянющъ.
Туманъ возсталъ невдалекѣ надъ лугомъ...
Тропа какъ змѣй ползетъ въ дремоту чащъ...
Колдуютъ сосны темнымъ полукругомъ.

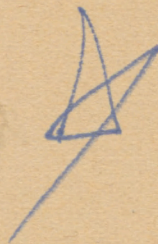
Чу! шорохъ въ травахъ... тишина—и крикъ...
То—голоса бурлящаго желанья...
Тропа какъ змѣй манитъ въ лѣсной тайникъ,
Гдѣ черноземъ и водъ благоуханье...

Душа кипитъ... Въ дыханіяхъ ночныхъ
Тѣлесное таятся обаянье...
И шорохъ травъ—какъ шелестъ ногъ босыхъ,
И лунный свѣтъ—какъ тѣла очертанье!

О, что за міръ! О, что за жгучій мигъ!
Кипитъ душа, и грезитъ, и желаетъ...
И хоръ смятенный запаховъ ночныхъ
О скалы обонянья ударяетъ...

1474

9. XI. 12.

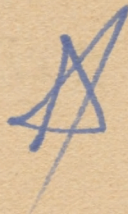
ПАНТЕИСТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ.

Я сладостно мечталъ въ полуразбитой лодкѣ,
Спокойствія и чувствъ благоговѣйныхъ полнѣ...
Молилася вода, перебирая четки
Алмазныхъ блѣдныхъ звѣздъ руками темныхъ волнѣ.

И вдругъ моя душа, въ молчаньи сна ночного
Услышавъ смутный шумъ вселенскихъ веретенъ,
Преобразилась въ гладь озернаго простора,
Какъ въ зеркалѣ нѣмомъ отображая Бога,
Глядящаго сквозь блескъ алмазнаго узора,
Распятаго въ ночахъ въ великолѣпьи солнцѣ.

1748 - а

И. VI. 14.

Упала ночь на вѣтви темныхъ сосенъ
И проструилась по лугамъ какъ дымъ.
Тропа сыра и лугъ прохладно росенъ,
И вновь душа наединѣ съ былымъ.

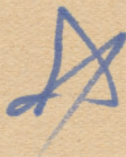
Опять летятъ рои воспоминаній
Изъ темныхъ безднъ роями бѣлыхъ птицъ,
И снова въ снахъ былыхъ существованій
Моя душа, и нѣтъ нигдѣ границъ.

Вся трепеща отъ смутнаго волненья,
Порывисто и радостно дыша,
Встрѣчаетъ ихъ, летящихъ изъ забвенья,
И улыбается привѣтственно душа.

Глядитъ, кипя въ восторгѣ откровенья,
Въ негаданно раскрывшійся провалъ:
—Нѣтъ въ Вѣчности ни одного мгновенья,
Котораго бы я не сознавалъ!

1323

20. VI. 12.

СОНЕТЪ ВЕЧЕРНІЙ.

Закатъ померкъ. Съ безшумнымъ сладострастьемъ
Земля влываеь въ ласковую тѣнь.
Я весь дрожу, какъ передъ яркимъ счастьемъ...
Въ моихъ мечтахъ—таинственная лѣнь.

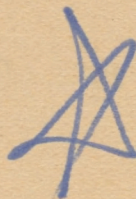
Въ моей душѣ погасъ горячій день —
И полутьма съ упорнымъ самовластьемъ
Плететь обворожительную сѣнь...
И смотреть въ очи съ жалостнымъ пристрастьемъ.

Окно раскрыто. Темный садъ молчить.
И, отливая многими цвѣтами,
Въ сѣтяхъ вѣтвей одна звѣзда блестить.

И я слѣжу дремотными глазами,
Подернутые дымью темноты,
Узорныхъ тучъ узорныя мечты.

1651

6. VIII. 13.

НОЧЬ.

Ночь. Всѣ пространства наполнены тьмой неоглядно,
Только звѣзда въ отдаленіи борется съ тьмой,
Травы росисты и тропы лѣсныя прохладны,
И у широкаго озера пахнетъ водой.

Тонкая свѣжесть по сумрачнымъ стелется травамъ,
А за лѣсами огонь отдаленной звѣзды
Злые туманы сверлить изумруднымъ буравомъ
Въ жадѣ коснуться громоздкой полночной воды.

Ночь. Тяжелѣя, чугунной и черной громадой
Темную влагу безтрепетный лѣсъ окаймилъ...
Тихо... лишь изрѣдка, сладостной вѣя усладой,
Выплыветъ шелестъ изъ сумрака водныхъ могиль...

Выплыветъ, вздрогнетъ въ молчаніи тьмы неоглядной,
Грузомъ таинственнымъ канетъ на темное дно,
Воды душисты и росныя травы прохладны,
Томное сердце горячей истомы полно.

Ночь. Извиваясь тяжелымъ и сумрачнымъ тѣломъ,
Гдѣ-то рѣка прорѣзаетъ кустарникъ густой...
А надъ лѣсами—въ туманѣ волнистомъ и бѣломъ—
Лучъ изумрудный съ полночною борется мглой.

28. II. 13.

НА КЛАДБИЩѢ.

Тотъ же серебряный мѣсяць. Тѣ же кресты.
Такъ же въ душѣ безпокойно рѣютъ мечты.

Темное озеро сладко спитъ въ берегахъ...
Небо—отъ края до края—въ звѣздныхъ цвѣтахъ...

Вѣтеръ доносить шуршанье смутныхъ березъ...
Темное озеро—чаша полная звѣздъ.

Кажется мнѣ необманно: рядомъ со мной
Смутныхъ какихъ-то сознаний носится рой.

О, вѣковая планета съ тьмою утробъ,
Ты—въ неоглядныхъ пространствахъ мчащійся гробъ!

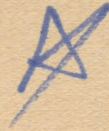
Тихо. И шорохъ. И смутно кажется мнѣ:
Рѣютъ прозрачныя тѣни въ призрачномъ снѣ.

Мѣсяць сверкаетъ и смотритъ свѣтомъ на доль.
Небо—какъ темная бездна съ тысячью пчель.

[27]
*Вѣчность! Твѣ вѣчно заману въ душу мою.
Образъ твой неизразимъ вѣчно чуждо!*

1557-a

23. II. 13.

ВЪ ВОРОТАХЪ МГНОВЕНІЯ.

Свѣтять Мгновенья ворота единственныя,
Сзади и спереди—Вѣчность,
На небѣ звѣзды сверкають таинственныя,
Мысль уводя въ безконечность.

Думы тѣснятся, мечты распускаются,
Тѣло въ любовномъ томленьи,
Странныя строки, журча, выливаются
Въ вѣщее стихотворенье.

Кануть вѣка водопадомъ стремительнымъ
Въ черную бездну былого,
И повторится въ огнь ослѣпительномъ
Фата-Моргана Земного.

Снова исканья и снова томленія,
Снова въ ворота Мгновенья
Будеть струиться въ просторы весенніе
Это вотъ стихотворенье.

Время, отъ этого мига бѣгущее,
Снова къ нему возвратится;
Все повторится—и снова въ грядущее
Будеть мечта уноситься.

Будеть, какъ было... О, грусть, о томленіе
Вѣчныхъ мельканій въ мгновеньи!
О, неосмысленность круговращенія!
О, неустанность движенія!

1745

A

17. IV. 14.

ПЕРЕДЪ ГРОЗОЙ.

Какъ раскаленные каменя
Нависли глыбы сѣрыхъ тучъ,
И воздухъ, полный изможденья,
И душно-сухъ и знойно-жгучъ.

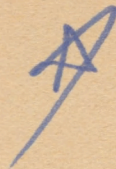
Отображая хаосъ горній
Застыла темная вода,
А надъ полями все упорнѣй
Взлетаетъ дымная гряда.

И лѣсъ недвиженъ. Сосны черны.
И душенъ воздухъ межъ стволовъ,
И какъ хребетъ надъ ними горный
Восходятъ груды облаковъ.

И глухо въ тѣлѣ кровь стремится,
Душа внимаетъ и молчить,
И сердце бьется и томится
И алымъ молотомъ стучить.

А зной все гуще. Вѣтры вѣютъ
Порывами съ пустыхъ луговъ...
И въ водахъ явственно темнѣютъ
Изломы сѣрыхъ облаковъ.

152A

3. 7. 13.

МОЕЙ ЗЕМЛѢ.

О, какъ мнѣ не любить тебя, моя родная,
Въ вечерній этотъ часъ почившую во мглѣ...
Вотъ дочь твоя: въ лучахъ она стоитъ босая
На черной вспаханной землѣ.

Куда она глядитъ? О чемъ ея томленье?
О чемъ ея мечта? О чемъ ея тоска?
Какое страстное и долгое влюбленье
Пьянитъ ея мечты издалека?

Пылаетъ вдалькѣ иконостасъ заката;
Дымятся облака, спѣша истлѣть въ огнѣ;
Кружить надъ травами дыханье аромата
Въ безшумно-стынувшей молельной тишинѣ.

О, тихая Земля! О, дымныя равнины
Въ святой закатный часъ и дѣвушка въ лучахъ,
Я все за васъ отдамъ, раскрою всѣ глубины,
И вспыхну какъ звѣзда, и пропаду въ ночахъ!..

Зо. Г. 13.

ИСТОМНАЯ СКАЗКА

Стройныхъ ногъ загарь истомный
 Странно сладостенъ во мглѣ...
 Ты пришла дорогой темной—
 И стопы твои въ землѣ.

Будемъ нѣжиться, ласкаться:
 Сладокъ сумеречный плѣнь!
 О, какъ сладостно касаться
 Этихъ дѣвственныхъ колѣнь!

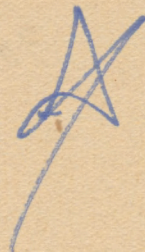
Сколько огненной дремоты
 Въ красотѣ твоей живетъ!
 Эти губы: эти соты,
 Источающіе медь!

Эти трепетныя груди—
 Это море теплоты!..
 Въ этой нѣгѣ, въ этомъ чудѣ
 Мнѣ опять желанна ты!

Будемъ нѣжиться, ласкаться,
 О, прильни ко мнѣ скорѣй!—
 Такъ плѣнительно касаться
 Этихъ чувственныхъ грудей!..

1660

26. XIII. 13.

Дневная музыка умолкла,
Такъ было тихо на Землѣ,
Ужъ зелень солнечная блекла
И смѣшивалась въ сизой мглѣ.

Простая, дремная, бссая
Сидѣла ты передо мной...
И тьма сгущалась ночная
За дверью хижины лѣсной.

Изъ тьмы сочился взоръ истомный,
Черты неясныя влекли,
И ноги въ поволокъ темной
Хранили слѣдъ сырой земли.

И изъ таинственнѣйшей дѣли,
Въ таинственнѣйшемъ забытѣи,
Мнѣ сокровенно улыбались
Уста лукавыя твои.

И я глядѣлъ, и что-то млѣло,
И смутно волновалась кровь,
И властно заполняла тѣло
Непобѣдимая любовь.

Застыло время. Тьма молчала,
Едва бѣлѣлъ лица овалъ,
И за окошкомъ вечеръ талый
Деревья крепомъ обвиваль.

Клубился парь. Темнѣли чащи.
И надъ лѣсами, въ черной мглѣ,
Звѣзда зажглась—и лучъ дрожащій
На мутномъ заигралъ стеклѣ;

И обозначилась узорно
Чугунногрузная листва...
Земля неслась въ пространствахъ черныхъ;
Шумѣли глухо дерева...

И такъ мы были одиноки,
Затерянные въ дымной мглѣ,
На этой сумрачно-широкой
Въ пространствахъ мчащейся Землѣ!

Минуты тихія летѣли...
Я богомольно цѣпенѣлъ...
Влекли уста, глаза темнѣли
И вводили за предѣлъ.

Тамъ тьма зарницами дышала
И въ глуби свѣтлыя влекла,
Тамъ Міровое тосковало
И Вѣчность звѣздами текла...

1713

19. XII. 13.

Брызги теплые бросая
Дождь прошелъ во мглѣ.
Ты простая, ты босая
На святой землѣ.

Темный сумракъ палъ на сосны .
И въ орбиты глазъ,
Всѣ кругомъ поляны росны
Въ этотъ смутный часъ.

Дорогая! дорогая!
Кто мнѣ объяснить
Почему душа земная
Въ этотъ часъ кипить?

Почему она томится
Въ тѣснотѣ земной,
Почему такъ жаждетъ слиться
Съ темнотой ночной?

Тѣни гуще. Вѣтви сосенъ
Тають въ темнотѣ,
Смутный лугъ такъ странно росенъ
И лѣса не тѣ.

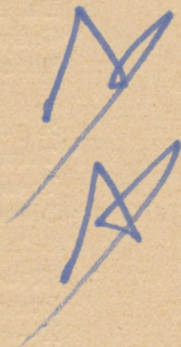
Глухо воды шевелятся
Въ непроглядной мгль,
Свѣты звѣздные сочатся
Черезъ тьму—къ земль.

Я уста твои цѣлю,
Теплоту твою
Точно брагу дорзую,
Замирая, пью.

Миръ—въ безогненномъ пожарѣ...
Всюду черный дымъ.
И—одни на темномъ шарѣ—
Въ безднахъ мы летимъ.

1393

15. VIII. 12.

✓
ОСЕНЬ.

Всходятъ копя многолѣтнихъ сосенъ
Въ царство мглы, вѣтровъ и облаковъ...
Гулкій замокъ воздвигаетъ Осень
Тишины и тонкихъ голосовъ.

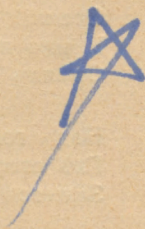
Бѣлымъ змѣемъ вздулося теченье
Медленной, извиистой рѣки...
Въ мелкой зыби дремлютъ отраженья...
Пожелтѣвъ, поникли тростники.

Желтою, цвѣтистою стѣною
Выстроились тихіе лѣса,
Ворожатъ надъ ними тишиною
Сѣрая нѣмая небеса.

Тихо. Вѣтра гулкiе порывы.
Мелкій дождь,—докучная юла.
Сосны. Всплески. Желтые обрывы.
Бѣлая, медлительная мгла.

1410

6. IX. 12.

ОСЕННИЙ СОНЕТЪ.

Люблю пору, когда нѣмая горы
Въ прозрачныхъ дымкахъ сладостно грустятъ,
Когда, раскрывъ таинственныя поры,
Струить природа непонятный ядъ.

И млѣеть тѣло и мечты кипятъ,
Изъ дальнихъ тучъ слагаются узоры,
И кажется что голову кружатъ
Расцвѣтшіе въ туманахъ мадрогоры.

Ихъ тысячи: они вездѣ кругомъ
Поютъ въ дыханьи пѣсню о земномъ...
И вянетъ мысль и вѣки опадаютъ...

И кажется: густѣетъ аромать,
И никнетъ къ тѣлу тысячами платъ,
И чьи-то руки шею обвиваютъ.

10. XI. 1911

1025

ОСЕННИЙ ПОКРОВЪ.

Осенний воздухъ блѣдною вуалью,
Уныло плача сѣрою тоскою,
Овѣялъ дали съ горькою печалью.

Надъ голубой, стремительной рѣкою,
Гдѣ огорченно наклонилась ива,
Зажегся полусонною звѣздою...

И занѣмѣлъ неожиданно—молчаливо
Таинственную, сладостною сѣнью,
Нависшею уныло и тоскливо...

И, гдѣ когда-то сладкому томленью
Я предавался въ страстности мятежной,
Остановился сумрачною тѣнью.

И пораза тоскою безбережной,
Повѣялъ запредѣльными вѣтрами,
И вновь замлѣлъ въ печали безнадежной.

И замерцалъ влюбленными звѣздами,
Лучащими унылые привѣты,
Надъ рѣками, полями и лѣсами...

И погасивъ полуденные свѣты,
Простерся полуночной темнотою,
Возобновя старинные завѣты

И обольщая смертною мечтою.

1473-a

6. XI. 12.

ОСЕНЬЮ.

Осенній садъ и запахъ увяданья,
И шопоть листьевъ въ прѣющей травѣ,
И хмурыхъ тучъ нѣмое пролетанье
Надъ кленами, въ поблекшей синевѣ...

Какая грусть и огненная сладость!
Какъ страненъ запахъ прѣли надъ землей!
И тихая, ласкающая радость
Струится въ душу тонкою струей...

Дурманятъ клены, ѣдко пахнутъ ели...
Душа мечтаетъ въ сумрачности сна,
И зыблится въ воздушной колыбели
Истомныхъ запаховъ, земнымъ обольщена.

1564

6. III. 13.

ВЪ ЛЪСУ.

Деревья не колышутся. Узоръ ихъ четко-строгъ.
Надъ лѣсомъ славой звѣздною безшумно дышитъ Богъ.

Душа невольно ширится, взлетая къ небесамъ,
И странно превращается въ высокосводный храмъ.

Звучитъ святое пѣніе задумавшихся грезъ...
Какъ талый дымъ куренія обрывки прежнихъ грозъ.

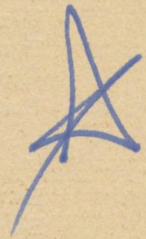
Мечты не поднимаются: стремленій больше нѣтъ.
Струится въ душу съ купола необозримый свѣтъ.

Спокойствіе и пѣніе въ молитвенной тиши...
О, тайная мистерія мечтающей души!

О, Божіе величіе сліянное съ душой!
О, сладость упоенія подъ синью круговой!

1641

21. VII. 13.

ВЪ МОРЪ ВЕЧЕРА.

Въ алой дымкѣ вечерѣющихъ полей,
Надъ прохладною, надъ блѣдною рѣкой,
Ускользящую въ заросли вѣтвей,
Какъ чешуйчатый, какъ сумеречный змѣй,
Сладко быть наединѣ съ своей душой.

Небо ласковое, нѣжное какъ сонъ,
Наклоняется надъ глубями души,
И, въ глубинное молчанье погружень,
Слышишь призрачный и радующій звонъ,
Словно дальніе лепечуть камыши.

И мечтанье распускается въ тиши,
И душа преображается въ затонъ,
Отражающій въ задумчивой тиши
Эти вѣтви, что воздушно хороши,
Этотъ блѣднобирюзовый небосклонъ...

Отъ росѣющихъ, темнѣющихъ полей
Подымается съ туманомъ аромать...
Я съ мерцающею думою моею—
Каравелла въ неоглядности морей
Надъ водою поглощающей закатъ...

Я безбрежною дремотою объять
Этихъ свѣжихъ, вечерѣющихъ полей,
Этой влаги поглощающей закатъ,
Этихъ ластящихся тысячами платъ
Отовсюду налетающихъ тѣней...

Въ морѣ вечера я—блѣдная ладья...
Тихо плещетъ океанъ безъ береговъ...
Я плыву въ необычайные края...
Чуть лепечетъ серебристая струя
Подъ навѣтами тяжелыхъ облаковъ..

И подъ бархатнымъ дыханьемъ вѣтерковъ,
Въ глубинѣ полуживого забытья,
Въ этомъ морѣ бальзамическихъ паровъ,
Въ окруженіи мѣняющихся сновъ
Тихо теплится сознанье бытія.

Въ мірѣ свѣта мнѣ не надо ничего!
Пьютъ глаза мои безмѣрность полумглы...
Я—въ таинственномъ смѣшеніи Всего,
И о скалы обонянья моего
Ударяютъ благовонія валы..

9. I. 13.

ВЪ БАШНѢ.

Быть съ тобою въ круглой башнѣ
 Подъ обширнымъ синимъ небомъ,
 Слушать вѣтры, видѣть пашни
 Съ наливающимся хлѣбомъ.

Съ каждымъ ласковымъ закатомъ,
 Видя сладостныя очи,
 Въ мѣрѣ сумракомъ объятomъ
 Отдаваться тайнамъ ночи.

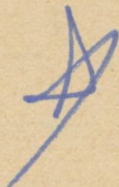
Позабыть о томъ, что люди
 Въ городахъ большихъ томятся...
 Быть въ глубокомъ, полномъ чудѣ
 И глубиннымъ упиваться...

Любоваться желтымъ хлѣбомъ,
 Колосающимъ подъ Солнцемъ,
 И прохладнымъ звѣзднымъ небомъ,
 Въ воды сыплющемъ червонцы...

И потомъ въ чертогѣ свѣтломъ
 Нашихъ душъ соединенныхъ
 Упиваться беззавѣтно
 Красотой глубинъ бездонныхъ...

О, таинственное счастье
 Вождельннаго удѣла!
 О, блаженство сладострастья
 Духа, мышленья и тѣла!

1370

29. VII. 12.

ВЪ ВѢЧНОМЪ ЗАВЛЕЧЕНИИ.

1.

Джіоконда любила, Джіоконда манила
Изъ вуалей, изъ далей разноцвѣтныхъ закатовъ,
И была неземная, не тѣлесная сила
Въ чарованьи цвѣточныхъ и иныхъ ароматовъ.

Въ затѣненности бора, надъ рѣчными валами
Джіоконда сплетала непонятныя саги,
И плѣняла цвѣтами, и манила огнями
Несмолкаемой сказки переливчатой влаги.

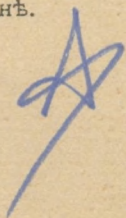
И плескались струи, и вздымались сосны,
И несчетности жизней уходили за грани,—
И летѣли, летѣли бѣлокрылыя Весны
Надъ Землей надъ зеленой въ бирюзовомъ туманѣ.

9. VIII. 12.

2.

Колдовали сосны. Джіоконда плѣла.
Дымный, красный Мѣсяць въ полумглѣ глядѣлъ.
Грезились объятья. Снился праздникъ тѣла.
И другой: далекій, голубой предѣлъ.

Легкія березы возносились къ звѣздамъ.
Полумгла клубилась надъ землей ночной,
Угрожая смутнымъ человѣчьимъ гнѣздамъ
Сумракомъ и жутью, страхомъ и тоской.

Джіоконда пѣла. Въ дымной тьмѣ улыбка
Сонною зарницею билась на губахъ.
Мысли трепетали. Сердце млѣло зыбко:
Сердце млѣло розой въ струевыхъ волнахъ.

Джіоконда пѣла. Звонкій голосъ лился.
Обвивалъ деревья. Уносился въ даль.
И съ землею лобзался. И къ Лунѣ просился.
И звенѣлъ призывомъ. И впадалъ въ печаль.

6. IV. 13.

Бываютъ миги сонной нѣги
И сладострастной тишины,
Они бѣгутъ въ спокойномъ бѣгѣ,
Какъ переливчатые сны.

Глядишь на выгибы дороги,
На тѣнь вечерней темноты,
Но изнаывающія ноги
Виномъ дремотнымъ налиты.

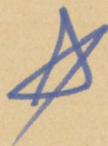
Итти не хочется: не надо...
Сидѣть вотъ такъ: сидѣть—мечтать...
Какая жгучая отрада
Въ самозабвеньи утопать!

Душа—какъ омутъ сновидѣній,
Гдѣ подъ навѣсомъ смутныхъ глыбъ
Межъ шевелящихся растений
Мелькаютъ тѣни блѣдныхъ рыбъ.

Такъ сладостно и такъ спокойно...
Лѣса... Смарагдовый закатъ... — рубликовскій
И рѣютъ грезы въ пляскѣ стройной
И вѣетъ тонкій аромат..

И вѣтра млѣющаго благодать
Ласкаетъ волосы во мглѣ,—
И вспыхиваетъ въ сердцѣ радость
Существованья на Землѣ.

1839-a

2. XI. 14.

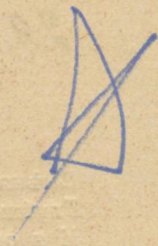
Темною массой воды и земли и растений
Мчится Земля въ неоглядномъ для взора пространствѣ...
Въ дымныхъ равнинахъ мерцають огни поселеній...
Верхнія бездны лучатся въ созвѣздномъ убранствѣ...

Шепчутся вѣтки въ лѣсахъ на Землѣ изумрудной,
Въ темныхъ озерахъ качаются блѣдныя звѣзды,
Рыскають звѣри и воють въ пустынѣ безлюдной.
Звонкія птицы плетуть поднебесныя гнѣзда...

Люди приходятъ и бродятъ и грезятъ безопасно,
Не сознавая, что мчатся къ невѣдомой цѣли...
Люди живутъ, умирають и любятся вѣчно,—
Неугасимыя искры въ стихійной метели!..

Темною массой воды и земли и растений
Мчится Земля, озаренная Солнца лучами...
Волнообразно смѣняется жизнь поколѣній...
Вихри столѣтій мерцають ночами и днями...

ТАМЪ—ВЪ ДНЯХЪ.

✓

ИСКУСЬ.

Я иду по какой-то дорогѣ, вовлеченный въ томительный сонѣ.
Сладострастныя тѣни клубятся и несутся съ обѣихъ сторонѣ.

Я иду, затаивши пыланье. Я бѣгу. Тишина. Темнота.
Каждый мигъ сладострастныя тѣни приближаютъ рубины-уста.

Далеко лучезарное Солнце. Я къ нему свое пламя несу.
Такъ лелейно его хорою я въ этомъ сумрачно-душномъ лѣсу!

Искушенья, томленья, соблазны огневymi глазами глядятъ...
Какъ удастся пройти мнѣ не знаю, этотъ пурпурно-пламен-
ный рядъ.

Я иду по какой-то аллеѣ черезъ яркіе искусы дней...
По бокамъ барельефами вьются огневья сплетенья тѣней.

Выцвѣтаютъ изъ сумрака груди. Завлекаетъ очей темнота.
Обѣщаютъ безумное счастье распаленныя угли-уста.

1605-a

✓ 29. IV. 13.

Смѣняетъ день пунцовосиній вечерь,
Глубины неба превращая въ храмъ,
И я опять—въ предвосхищеньи встрѣчи—
Грущу мечтой по ласковымъ губамъ.

И блѣдный обликъ съ темными глазами,
Съ тугимъ кольцомъ рубиноваго рта,
Опять манитъ магическими снами,
А между тѣмъ струится темнота...

Она струится темными струями,
И синій воздухъ сладостно мутитъ,—
И блѣдный ликъ, омытый волосами,
Все жутче, все таинственнѣй манитъ.

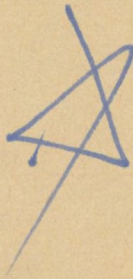
И знаю: снова повторятся встрѣчи,
И тѣхъ же взглядовъ, тѣхъ же словъ игра,
И снова тихій, розоватый вечерь
Завѣситъ небо сѣтью серебра...

Тосклива жизнь и юность вѣчно та же:
Мечтанья, весны, встрѣчи, вечера,
И пыль любви... Но что она расскажетъ
Моей душѣ влюбленностей игра?..

О, что она моей душѣ покажетъ—
Какія дали, звѣзды, глубины?—
Она мелькнетъ, однообразно та же,
И ранитъ душу и встревожитъ сны...

И та же цѣль: мечтанья, весны, встрѣчи,
Просторъ мечтаньямъ, пиршества—глазамъ...
И вновь обвѣетъ розоватый вечерь
Дремоту губъ приникнувшихъ къ губамъ!..

II - 1913г.

✓
ПО КРУГУ.

Отъ Восхода къ Закату мы идемъ, мы идемъ черезъ День.
И проходятъ мгновенья, точно облакъ мелькающихъ тѣнь.

Непрерывною цѣпью, какъ видѣнья идемъ мы, идемъ:
Лучезарны, печальны, одиноки, толпой и вдвоемъ.

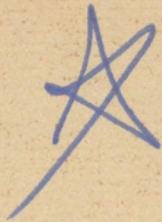
Изъ невѣдомой Ночи—и опять въ непроглядную Ночь...
И мы сами не можемъ, и никто намъ не можетъ помочь.

И, кто знаетъ: быть можетъ, здѣсь, гдѣ эти вотъ сосны растутъ,
Мы когда-нибудь были—ахъ, давно уже были мы тутъ!

Такъ же тишь ворожила и плескалась о камни волна,
И бездонною синью пламянѣла небесъ глубина.

И, кто знаетъ: быть можетъ, искупаясь во мракѣ ночномъ,
Мы сюда, къ этимъ соснамъ, когда-нибудь снова придемъ.

24. II. 13.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Я за тобой лечу, Антоній,
 Подъ голубѣющую сѣнь.
 Вонъ—вижу: таетъ въ небосклонѣ
 Твоя блистающая тѣнь.

Мы жили для горячей сказки,
 Она таинственно цвѣла,
 Но въ наши сны и въ наши ласки
 Ворвалась суетная мгла.

Мы можетъ быть другъ другу лгали,—
 Но кто разворожить любовь!—
 Насъ ждуть невѣдомыя дали
 И воскресенья вновь и вновь.

Что всѣ прельщенія Земного,
 Что блещущая суета,
 Когда не стало дорогого,
 Когда померкла Красота!

Все, чѣмъ богаты властелины,
 Что алчно цѣнять на Землѣ,—
 Я отдала-бъ за мигъ единый—
 За краткій мигъ съ тобой во мглѣ!

Но нѣтъ, не повторится сказка,
 Не повторится яркій сонъ,
 Антоній былъ, и вотъ развязка:
 Онъ самъ собою пораженъ.

Вотъ вижу въ синемъ небосклонѣ
 Послѣдній свѣтъ былого сна,—
 О, подожди меня, Антоній:
 Ехидна злобная вѣрна!

2. 1. 13.

РЕБЕНКУ.

Какими странными глазами—
Съ какой таинственной тьмой,—
Дитя безпечное годами,
Глядишь ты въ міръ передь собой.

Подъ синюю солнечнаго свода,
Въ зеленыхъ заросляхъ земли,
Не два туманныхъ, смутныхъ года
Передь тобою протекли.

А знанье всѣхъ тысячелѣтій
И все, что Богъ во тьмѣ хранить,
Глядитъ въ неуловимомъ свѣтѣ
Изъ этихъ сумрачныхъ орбитъ.

Когда-нибудь во тьмѣ родятся
Зигзаги молній—и тогда
Всѣ необманно удивятся—
И вспыхнетъ новая Звѣзда.

Теперь же все неуловимо,
Ты весь—загадка, весь—покой,
И радужной игрою дыма
Мелькаетъ жизнь передь тобой.

Еще во взглядахъ нѣтъ желаній,
Не пробилъ вождельній часъ:
Два сфинкса скрытые въ туманѣ
Глядятъ изъ сумеречныхъ глазъ.

1447

A

11. X. 12.

ЗЕМНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Сегодня въ лунный часъ пришло воспоминанье
Изъ глубины души, какъ изъ глубокихъ водъ,
Что не мгновенный сонъ мое существованье,
Что мириады лѣтъ моя душа живетъ.

Въ такой же лунный часъ, назадъ тому столѣтъя,
Я также тосковалъ—и желтый лился Ниль...
И въ огненной тоскѣ мечтательную сѣть я
Въ излучины души пытливо запустилъ.

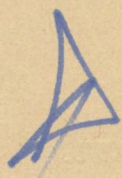
И сѣть пришла назадъ. И съ ней—воспоминанье,
Горящее какъ перлъ, что много лѣтъ назадъ
Я также тосковалъ въ томленьи ожиданья,
Дремотой воздуха индѣйскаго объять.

Съ невидимыхъ цвѣтовъ лилися ароматы...
Боролася Луна съ полуночною тьмой...
Мятежилась душа. Стихи Махабараты
Во мнѣ слагалися безсмертною игрой.

Чернѣли листья пальмъ. Подъ желтою Луною
Жемчужной розсыпью переливался Гангъ...
И вдругъ увидѣлъ я, охваченный мечтою,
Себя, сжимающаго мѣткій бумерангъ.

И вотъ теперь опять, въ тоскѣ воспоминанья,
Я пристально гляжу въ тысячелѣтій тьму,—
И древняя Луна улыбкою всезнанья
Мнѣ улыбается, какъ сыну своему.

II - 13.

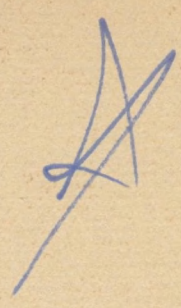
ТАКЪ БЫЛО...

Голубѣли глаза. И дрожали рѣсницы, дрожали...
Чаровали уста, и улыбчивый зовъ трепеталъ.
Огневые лучи за смарагдной горой догорали...
Вѣтерокъ чуть дышалъ.

Налеталъ—и колосья о чемъ-то, шурша, лепетали.
По раздолю нивъ золотой переливъ пробѣгалъ.
Голубѣли глаза, и дрожали рѣсницы, дрожали...
А закатъ догоралъ.

Надъ затишьемъ полянокъ, бѣлѣя, туманы вставали.
Вѣтерокъ, вѣтерокъ благовонною дремой дышалъ.
И томилися губы... и нѣжно и пламенно звали...
А закатъ догоралъ.

П-13н.

САДЪ.

Мы сойдемъ съ вечеряющей тишью въ ворожащій, темнѣю-
щій садъ.

Насъ обвѣютъ извѣчныя грезы, окружить—обойметъ аромать.

Мы пойдемъ къ розовѣющимъ далямъ по аллеямъ изъ тем-
ныхъ деревь,

Преисполнены тихихъ печалей и неожиданно всплываемыхъ
словъ.

Мы потонемъ въ саду безъ возврата, мы наклонимся къ
прянымъ цвѣтамъ...

И огромный, задумчивый вечеръ превратится въ таинствен-
ный храмъ.

Задрожать блѣдно-бѣлыя звѣзды надъ широкой листвою
деревь,

И откроются темныя бездны, и послышится длительный
зозъ.

И невольно другъ друга касаясь, и сплетаясь пальцами
рукъ,

Мы замолкнемъ въ безмѣрномъ томленьи, въ расцвѣтаны
медлительныхъ мукъ.

И тоскливыя сблизятся губы, ощущая единую власть,
И надъ сумракомъ нашихъ сознаний, колыхаяся выплыветъ
Страсть.

И въ ея неземномъ волхованьи, общающемъ счастье всему,
Мы блаженно себя потеряемъ, обнимаясь и падая въ тьму.

11-13.

НА МОРЬ.

Изрѣдка кажется мнѣ: я корабль въ замечтавшемся морѣ.
Задремала вомгль тишина—замерла на жемчужномъ просторѣ.

Изрѣдка кажется мнѣ: одинокій, я вижу—изъ дали,
Накренившись, мчится корабль, утолитель безмѣрной печали.

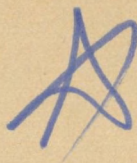
О, желанная греза! О, мигъ долгожданно-таинственной
встрѣчи!
И все ближе, все ближе корабль, и волна въ отдаленіи
лепечеть.

И трепещутъ мои паруса и готовъ я навстрѣчу помчаться,
И ужь волны, звеня о борта, начинаютъ желанно качаться...

Но, блѣднѣя, внезапно корабль измѣняетъ свое направленье,
И гляжу я: и нѣтъ корабля, только мачты видны въ отдаленіи.

Но мгновенье — и въ блѣдной дали и онѣ въ полумгль
пропадаютъ.
И безропотно море опять, и мои паруса опадаютъ.

1585-a

9. IV. 13.

Въ лунатическомъ сцѣпленіи,
Въ прѣномъ воздухѣ ночномъ,
Пили мы восторгъ влюбленія—
Съ грудью грудь, плечо съ плечомъ...

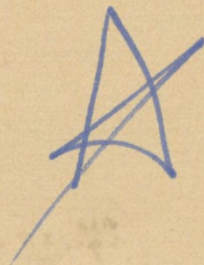
Уходили вдоль аллеи мы,
Полны странной тишины,
Поцѣлуйными затѣями
Наши вспугивая сны...

Пальцы съ пальцами сплетались,
Взоры пили благодать...
Мы нѣмѣли, прижимались,
Уставая цѣловать.

Въ лунатическомъ томленіи
Вдоль мерцающихъ аллей
Мы бродили до рожденія
Блѣднорозовыхъ лучей.

1708

1. XII. 13.

Подъ грузомъ косъ ты головой склонилась,
И синій взоръ изъ-подъ рѣсницъ течеть...
Душа моя! ты снова обольстилась
Земнымъ огнемъ, который страстно жжетъ.

Гори, желай: наступить мигъ глубокой
И, ощущая мощную волну,
Ты встрѣтишь взоръ, какъ небо синеокій—
И ринешься въ ночную глубину...

И окунаясь въ море огневое,
И сладостнымъ ослѣплена огнемъ,
Забьешься вдругъ въ невыносимомъ зноѣ—
И встрѣтишься съ цѣлующимся ртомъ!

1804

(24. xii. 12. ???)
24. viii. 14.

Шумный день прошелъ. Въ царство сновъ плыветь
Темный шаръ земной...
Вижу томный взоръ, вижу алый ротъ:
Ты опять со мной!

Какъ и встарь, склонясь въ мелодичный звонъ,
Буду губы пить,
Буду видѣть сонъ, вѣковѣчный сонъ,
И во снѣ любить.

Какъ и встарь бѣжитъ въ глубину стезя
Красоты страстной...
И чего еще пожелаю я
Въ темнотѣ земной?..

1297

1. VI. 12.

КОЛДОВСТВО РЪЧНОЕ.

Листва въ истомѣ замирала,
И тѣло влажное рѣки
Змѣей тяжелой уползало
Въ лепечущіе тростники.

*травяная
теплой*

И арабесками плясали
Сверканія голубизны...
И взоры съ трепетомъ внимали
Изгибнымъ линіямъ волны.

Скользили зыбкіе овалы
Заворожающей игрой,
И цвѣтъ лиловый лился въ алый
И уплывалъ, какъ золотой.

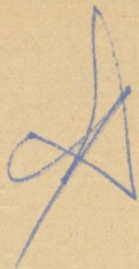
Душа нѣмѣла, поникала,
Душа глядѣла въ глубину,
И съ изумленіемъ встрѣчала
Лазоревую вышину.

И въ музыкѣ неприхотливой
Неповоротливой волны
Таились тихіе призывы
И завлекательные сны.

И въ музыкѣ однообразной
Рѣки, ползущей въ камыши,
Таились вѣщіе соблазны.
Для очарованной души.

Вода влекла, какъ отраженье
Прозрачносиней вышины...
Стирались грани раздѣленья
И плыли кольцами волны...

12157-5
19.7.12.

ВЪ ВЪТРАХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Къ моей душѣ съ пѣвучимъ рокотаньемъ
Какой-то валъ не устаетъ проситься,—
И отдаюся я воспоминаньямъ,
Какъ урагану отдается птица.

Куда-то мчатъ меня припоминая:
Я вижу дали желтаго Египта,
Рѣка родная въ буйномъ завываніи,
И розсыпь сель—какъ буквы манускрипта.

Плыветъ лицо съ загадочной улыбкой,
Съ глазами, уводящими за грани,
И пропадаетъ мимолетной рыбкой,
Мелькнувшею въ рѣкѣ воспоминаній...

И снова сны развѣявшейся славы:—
Я проношусь надъ пышною страной,
Сверкаютъ храмовъ росписныя главы,
Ласкаемая солнечной листвою.

Въ дремотѣ роцъ проходятъ бѣлымъ строемъ
Слоны-гиганты... Въ созерцаньи Браны
Факиры дремлютъ. И червоннымъ зносемъ
Съ лазури солнце обливааетъ храмы.

И снова мракъ... О, Индія святая!
О, колыбельница провидящаго духа!
Прощай, прощай!.. Въ туманахъ пропадая,
Я вновь лечу былинкой легкой пуха.

И вижу въ тьмѣ, глубоко, свѣтъ растущій,
То—Я, то Солнце моего истока.
Ахъ, если бѣ вихрь, меня теперь несущій,
Принесъ къ Нему до огненнаго срока!

21. VII. 13.

1688

ГОРОДУ.

Безумно блещущий огнями,
Ты и меня вовлекъ въ свой плѣнь—
Меня, обвѣяннаго снами,
Не знающими перемѣнь...

Въ толпѣ бездумно-многошумной
Ты предлагаешь мнѣ любовь,
Свой тонкій ядъ, свой ядъ безумный
По каплѣ вкрапливаешь въ кровь.

И, бурная, она вскипаетъ,
Колеситъ марева твои,—
И вѣщая душа желаетъ
Мгновеній въ красномъ забытьи.

Я вижу пурпуръ ленты алой
На шляпѣ дочери твоей,
Я вижу взоръ ея усталый,
Но полный жалящихъ лучей,

Улыбку огненно-пунцовыхъ
Упруго зыблющихся губъ,—
И, полонъ грезъ воздушно-новыхъ,
Я чувствую истомы клубъ.

Я жажду властно сжать руками
Ея лилейное лицо,
И алчными поймать губами
Рубиновое губъ кольцо.

Ее въ подушки запрокинуть,—
Какъ ивы долу гнетъ гроза,—
И страстное желанье кинуть
Въ прекрасные ея глаза.

1754

25. IV. 14.

Проститутки плосконосой наглый смѣхъ...
Идіотскій, безнадежный, тусклый грѣхъ...

Гдѣ безуміе, гдѣ радость красоты?
О, куда меня уводишь, городъ, ты?

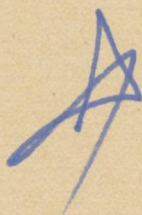
Убѣгаютъ убѣгаютъ искони
Переулковъ желтоватые огни...

Въ озареньи желтоватыхъ фонарей
И не счесть перебѣгающихъ людей...

Какъ повѣрю, что у каждаго изъ нихъ
Есть сознанье, расцвѣчающее мигъ...

Что подъ шляпами, во мракѣ, тамъ и тутъ
Все міры самосознанія плывутъ!

О, не вѣрю, не повѣрю никогда!
Я одинъ. Я—ворожащая звѣзда!..

26. II. 12.**КОШМАРНЫЙ СОНЪ.****1. Въ Городѣ.**

Непреклонные высятся колоссы,
И межъ нихъ, какъ чешуйчатый змѣй,
Изгибаются шумныя полосы
Торопливыхъ людей.

Тротуары шумливо-блестящiе
Перерѣзаны свѣтомъ витринъ.
Проститутокъ глаза уводящiе.
Похотливые взоры мужчинъ.

И вдали огоньки разноцвѣтные
Проплывающихъ медленно трамъ.
И людей вереницы несмѣтныя
По бокамъ.

Уходящая лентами длинными,
Шевелится людская рѣка.
А вдали—на закатѣ—рубинами
Ты зажгла облака.

И бѣгутъ въ озаренiя синiя
Къ торжеству зарубежныхъ огней
Блѣдно-бѣлыя линiи
Фонарей.

1206

2A

18. III. 12.

2. НА УЛИЦѢ.

Загорѣлись вдоль улицъ—въ туманѣ—
Свѣтовые шары фонарей.
Въ удлиненной расщелинѣ зданій
Потекли вереницы людей...

Расцвѣтаютъ на лицахъ улыбки,
А глаза наливаются тьмой.
Проходящія женщины зыбки,
И мужчины довольны собой.

Я такой же случайный прохожій,
Такъ же схваченный свѣтомъ витринъ,
И во мнѣ пробуждаются—тоже!—
Затаенныя грезы глубинъ.

И во мнѣ—черезъ душу и тѣло—
Такъ же Ночь протекаетъ журча,
Распалая желанья умѣло
И о яркихъ губахъ лепеча.

Вотъ блеснула такъ близко улыбка,
Какъ видѣніе въ сладостномъ снѣ,—
Изогнулась женщина гибко,
И опять наклонилась ко мнѣ.

Что-то бросила въ шопотѣ знойномъ,
Улыбнулась, кивнула, прошла...
И въ моемъ забытїи безпокойномъ
Всколыхнулась тяжелая мгла.

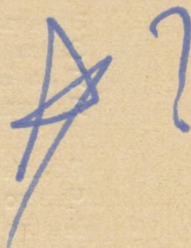
Закачались черныя перья...
Снова взоръ, снова бѣлый оскаль.
Я во снѣ... я стою у преддверья...
Я гляжу въ бирюзовый проваль.

Прижимается огненный локоть,
Чье-то тѣло довърчиво льнетъ...
Мы во власти одинаго рока,
Насъ единая радость зажжетъ.

Взгляды—зовы, въ улыбкахъ—глубины.
Мы въ толпѣ... мы какъ всѣ... мы одни...
Электричество... грохотъ... витрины...
Разноцвѣтные конокъ огни...

1578

26. III. 13.

Мы пляшемъ, мы пляшемъ надъ темною бездною,
Мы любимъ, цѣлуемъ, мы въ мысляхъ живемъ,
Мы грезами рѣемъ въ гармоніи звѣздной
И кружево быта забвенно плетемъ.

Мы всѣ опьяняемъ жизнью мишурной
И въ сладкомъ забвеніи свой танецъ ведемъ,
Мы смотримъ на сводъ лучезарно-лазурный—
И звонкими кубками радости пьемъ.

Но если—бываютъ такіа мгновенья—
Мы скинемъ покровъ опьяненія прочь,—
Намъ кажутся жалкими жизни круженья,
И смѣло мы смотримъ въ родимую Ночь.

9. VI. 13.

✓

ВЪ ЦЕРКВИ.

Лики иконъ золотыхъ
Зыблются въ дымъ куреній...
Тлѣнье свѣчей восковыхъ...
Гимны дремотныхъ моленій.

Бѣлыя души во мглѣ
Ангелами преклонились:
На сладострастной Землѣ
Души давно истомились.

Вонъ, за рѣшеткой окна,
Радую тайныя грезы,
Даль голубая видна,
Гнутся по вѣтру березы.

Ахъ, лучезарная Синь
Къ новымъ видѣньямаъ уводитъ:
Музыка синихъ пустынь
На душу благостью сходить...

Снится лазурь безъ границъ,
Ангельскихъ силъ вереницы,
Зарево взоровъ-зарницъ
И озаренныя лица...

Въ трепетномъ дымѣ кадилъ,
Отъ заповѣдныхъ угодій
Тысячи ангельскихъ силъ
Въ дымную церковь нисходятъ.

Радясь золотомъ ризъ,
Тихо текутъ по лазури,
И ниспускаются внизъ—
Въ наши житейскія бури...

.
Лики иконъ золотыхъ
Зыблются въ дымъ куреній...
Страстные гимны хваленій...
Тлѣнье свѣчей восковыхъ...

1. XII. 11.

Дымныя равнины
 Ворожатъ кругомъ.
 Звѣздныя глубины
 Въ трепетъ ночномъ.

Кажется мнѣ: дышитъ
 Гдѣ-то въ безднѣ—Богъ...
 Сердце чутко слышитъ
 Отдаленный вздохъ.

Я грущу о Чудѣ
 Въ полумглѣ равнинъ...
 Я не съ вами, люди:
 Я всегда—одинъ.

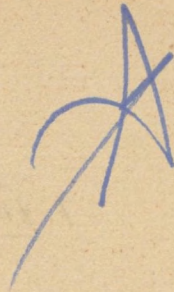
Вотъ раскрылъ я душу—
 И душа ясна.
 Нѣтъ, я не нарушу
 Неземного сна!

Прочь земные звуки!—
 Только Богъ одинъ
 Утолитъ всѣ муки
 Въ дремной тьмѣ долинъ!...

Ширится сознание...
 Таетъ мѣръ земной...
 — Я одинъ съ Тобой
 Въ нѣдрахъ Мірозданья!

1336

5. VII. 12.

Все глядитъ въ изумленіи
Расширенныхъ орбитъ:
Все въ тѣлесномъ томленіи
Безконечно скорбитъ.

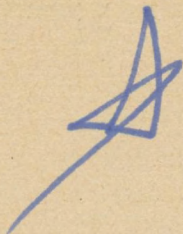
Небо сѣрое, сонное...
Вѣтеръ плачетъ въ вѣтвяхъ...
И сосна отдаленная
Замерла въ облакахъ.

Все, мнѣ кажется, тянется
Въ неоглядную высь...
Вотъ и поле туманится
И свѣтила зажглись.

Поникають усилія
Въ огневые гроба...
Но, какъ бѣлая лилія,
Расцвѣтаетъ алчба.

Ворожація, думныя—
Все быстрѣй и тѣснѣй—
Налетають безшумныя
Вереницы тѣней.

Протекають мгновенія,
Колыбельно звеня.
О, безумье стремленія
Изъ оковъ Бытія!

✓
✓
1. II. 12.

Какъ отрадно уйти отъ селеній,
Отъ условностей прочь!—
О, блаженство лѣсныхъ потаеній!
О, бездонная Ночь!

О, отрада унылаго скита
Въ многошумномъ бору,
Гдѣ душа хоть и дремой повита,
Но не вѣрять въ игру!

Гдѣ она устремляется къ Богу,
И на Небо глядитъ!
И лучистую видитъ дорогу
И безгласно дрожить.

И въ разверстую высь улетаетъ,
И, раскрывшись, ждетъ,
И о чемъ-то забвенно мечтаетъ,
И о чемъ-то поетъ.

И глядитъ въ безконечныя дали
Синезвѣздныхъ пустынь,
Преисполнена вѣчной печали,
И окутана въ синь.

И въ дали загораются струны,
И дрожать и звучать,
И далекія звѣздныя руны
Откровенья лучать.

О, восторги полночныхъ пророчествъ!
О, молитвенный лѣсъ!
О, блаженство лѣсныхъ одиночествъ
Подъ мерцаньемъ Небесъ!

ВЪЧНАЯ МИСТЕРІЯ.

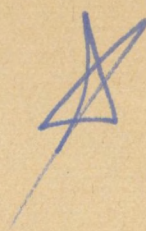

О, какъ я чту завѣтныя свиданья
Съ Тобой одною въ обликахъ—другихъ,
Одни и тѣ же чуя трепетанья,
Одинъ огонь за тайной дней земныхъ.

Какъ я люблю, смотря въ глаза другіе,
Вдругъ занѣмѣть, увидя образъ Твой,
И, позабывъ различности земныя,
Упитья непонятной красотой.

И какъ я жду таинственныхъ свиданій,
Такъ неустанно, пламенно любя,
Въ огнѣ однихъ и тѣхъ же трепетаній,
Въ мельканьи лицъ, въ мерцаніи мечтаній—
Вездѣ, во всѣхъ предчувствуя Тебя.

ХХХ, ХХХ,
11. 11. 1911.

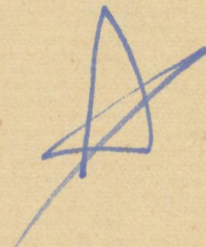

✓
БЛУЖДАЮЩАЯ УЛЫБКА.

Ты—суть, ты—улыбка пучинъ Мірозданія,
Улыбка весной за листвою мерцающая...
Въ тебѣ—откровенья и сны и мечтанія:
Ты—суть, ты—улыбка за Міромъ блуждающая.

За тканью вещей, за одеждой тѣлесною
Ты сонно мерцаешь привѣтными свѣтами,
И радуешь грезу красой неизвѣстною,
И душу прельщаешь былыми завѣтами...

И грезится давнее, грезится Вѣчное,
И въ радости вѣщей ликуютъ мечтанія,
И ты выплываешь, блаженно-безпечная,
Улыбкой изъ темныхъ пучинъ Мірозданія.

И все, что вокругъ изнываетъ безрадостно,
И ткань эта, Міръ какъ ковромъ покрывающая,—
О, только глазницы, въ которыя сладостно
Глядишь ты,—улыбка за Міромъ блуждающая!

✓ ДРЕМОТА.

Задремали сосны въ звѣздной колыбели,
Устремились къ небу—и въ лучахъ замлѣли.

И одна, всѣхъ выше, облакомъ чугуннымъ
Вознеслась надъ лѣсомъ—и въ просторѣ лунномъ.

Въ душу бьются волны голубыхъ мечтаній,
Мнѣ дремотно мнится: мы расторгли грани...

Мнѣ неожиданно снится: вольными тѣнями
Мы плывемъ, одѣты звѣздными огнями...

По дорогѣ млечной въ сладости безпечной
Мы плывемъ стезею сонно-безконечной...

А внизу—въ сіяньи спитъ страна лѣсная,
Блѣдныя озера въ дымы укрывая...

И подъ гулкимъ вѣтромъ гдѣ-то плачутъ ели,
И восходятъ сосны въ звѣздныя постели...

12.54

12. Г. 12.

ВЪ ЗВОНАХЪ.

Все застыло въ сумеркахъ безвольныхъ,
Только Ты, въ вечерней тишинѣ,
Налетая въ звонахъ колокольныхъ,
Грудью прижимаешься ко мнѣ.

Чувствуя Твои прикосновенья
И упругость молодыхъ грудей,
Забываю дольнія волненья,
И тоску, и сумракъ, и людей.

Вѣрю несмолкаемому чувству,
Запрокинувъ къ вечеру лицо,
И вѣрю вѣщему Искусству
Брошенное въ лепетъ кольцо.

1529-a

6. Т. 13.

Тебя я вижу въ этой жизни сѣрой
Лишь изрѣдка, но всякій разъ душа
Глядитъ изъ плѣна съ безграничной вѣрой,
Упитья блескомъ сладостнымъ спѣша.

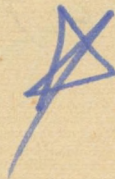
Твоя улыбка, страстно хороша,
Плыветъ вдали небесною гетерой...
Цвѣтеть Земное, сумрачно шурша,
И кажется нелѣпою химерой.

Но ты мелькнешь—и я опять живу
Одинъ, во тьмѣ, съ мечтою о видѣннй,
И жду тебя во снѣ и на яву.

И забываюся въ земномъ круговращеньи—
И на тропинкахъ сумеречныхъ рву
Цвѣты влюбленностей, безумья и мученья...

1540

19. I. 13.

ДРУГУ.

Ласкать Альдонсу, вѣря въ Дульцинею,
Мнѣ надоѣло: я уже усталъ...
Какой-то валъ опять меня примчалъ
Къ утесамъ грезъ, гдѣ я зацѣпенѣю.

Ты думалъ, другъ, что я воспламенѣю
Въ тотъ часъ, когда меня ты покидалъ,
Но ты развязки не предугадалъ:
Безплодна Жизнь—и я не вожделѣю.

Я вновь одинъ... Смотри: еще хранятъ
Утесы грезъ обрывки влажной пѣны;
Но въ даляхъ Жизни—мучится закатъ...

И знаю я: мнѣ не найти Елены:
Елены нѣтъ въ разливѣ тусклыхъ дней...
О, будь же, Смерть, возлюбленной моей!

1546-5

23. 5. 13.

НА ЗЕМЛѢ.

Клонятся буйныя вѣтви... сладостный вѣтеръ играетъ...
Сердце, о сердце, посмѣть ли?—къ сердцу мечтанье взываетъ...

Мы обезсилили, сердце, вѣчно въ туманы летая,—
Снова открылася дверца къ радостямъ буйнаго Мая...

Сладостный, нѣжащій вѣтеръ сѣетъ въ мечтанья намеки,
Чувствую: въ солнечномъ свѣтѣ рьяно зашепчутъ потоки...

Можетъ быть Ты не заманишь: Ты улетѣла, сгорая!
Ты не предстанешь, не ранишь и не обманешь, взывая...

Можетъ быть также—о, сердце, вотъ и опять ты въ волненьи!—
Снова раскроется дверца въ свѣтлые сны и томленья...

Ахъ, залепечуть березы, буйно вѣтвями качая,
Будутъ и слезы и розы въ радостныхъ трепетахъ Мая!

Съ бѣлымъ колчаномъ Ты взрѣешь, лукъ понатужишь, играя,
Спустишь стрѣлу—и замлѣешь, и запоешь, улетая...

Вотъ и опять я повѣрю, вотъ и опять замечтаю,—
И позабуду потерю, грезами ввѣрившись Маю.

19. XI. 14.

1845

ВСТРѢЧА.

На темныхъ жизни берегахъ,
Гдѣ глухо всплескиваютъ волны,
Одну, затерянную въ дняхъ,
Тебя я встрѣтилъ въ часъ безмолвнѣй.

Въ неугасающей тоскѣ,
Бросая въ дали взоръ усталый,
На гребняхъ волнъ и на пескѣ
Ты отраженій звѣздъ искала.

Вдали пылалъ закатъ страстей,
Когда-то смутно пережитыхъ,
Но не было въ душѣ твоей
Отвѣта чувствамъ дней забытыхъ.

Мерцательно въ глаза мои
Упалъ твой взоръ лучемъ зеленымъ—
И въ тиховѣйномъ забытѣи
Я былъ охваченъ мигомъ соннымъ...

И въ глубяхъ дымной полутьмы,
Ростущей радости внимая,
Почувствовали оба мы,
Что наша встрѣча—роковая.

Во всемъ земномъ была печаль
И запредѣльное мечтанье...
Неясно убѣгали вдаль
Береговья очертанья...

Журчала шумная вода,
Обструивая камни съ плескомъ...
Зеленоликая звѣзда
Мистическимъ сверкала блескомъ.

Ч. XII. 13.

1710

ВЪ ЦЕРКВИ.

Къ жаркому рту твоему,
Полный безсильныхъ томлений,
Въ дымѣ лампадныхъ куреній
Губы я жадно прижму.

Знаю: туманная очи
Мнѣ необычно блеснуть:
Чѣмъ-то нездѣшнимъ плеснуть
Темная пропасти ночи.

И позабудется горе,
И просвѣтлѣеть лицо,
И золотое кольцо
Мнѣ передастся во взорѣ.

Вспыхнуть желанно мечты
Въ гаснущемъ снѣ сладострастья...
Руки коснутся—о, счастье!—
Вѣчная, Милая,— Ты!

1786

✱

22. VII. 14.

Надъ лѣсами зажглася Звѣзда.
Сизосиніе мрака валы
Разбивались о блѣдный востокъ.
Шевелилась въ замгленіи мглы
Въ чернобѣлыхъ овалахъ вода...
Закипаль въ деревьяхъ вѣтерокъ...

Я недавно тебя цѣловаль:
Приникаль къ тепловатымъ губамъ,
Затаенно темнѣвшимъ во мглѣ...
Приближалось небо къ лѣсамъ,
Восходящимъ въ бездонный проваль...
Это было на быстрой Землѣ.

Все яснѣй выступали стволы...
Все свѣтлѣй разгоралась Звѣзда,
Привлекая земную мечту.
Этотъ мигъ не умереть никогда!
Въ одѣяньи предутренней мглы
Уносилась Земля въ пустоту...

1358

18. VII. 12.

УТВЕРЖДЕНИЕ.

Тихій вечеръ. Воздухъ неподвиженъ.
Въ синемъ небѣ облачная муть.
Вы—вдали. Твой образъ непостиженъ.
Но къ Тебѣ таинственно приближенъ,
Я гляжу въ невѣдомую жуть.

Чувствую прельстительныя очи,
Вѣрую въ мерцательную суть,
И въ дремотѣ ластящейся Ночи
Прозрѣваю радующій путь.

Этотъ Міръ — не мглистое видѣнье,
Не мечта въ дремотномъ забытьи,—
Этотъ Міръ въ зеленомъ озареньи,
Въ вѣчно несмолкаемомъ горѣньи—
Одѣянья свѣтлыя Твои!

1516-5

24. XII. 12.

ЕДИНСТВЕННОЙ.

Жаждой Бога, ниспавшаго въ Сущность свою,
О, безцѣнно-родная, Тебя я люблю

Какъ свѣченіе Мира въ ночной глубинѣ,
Эти губы Твои улыбаются мнѣ...

Увлекаютъ глаза къ запредѣльной мечтѣ,—
И грущу я по скрытой своей красотѣ.

И такъ жажду Тебя, ибо въ нѣгѣ Твоей
Засвѣченъе моихъ сокровенныхъ лучей...

Лишь въ Тебѣ, вѣковая, и черезъ Тебя
Я впервые—какъ Солнце—увиду себя!

12184

2. IX. 12.

Милая! Сердце истомное
Сердцу влюбленному ввѣрь:
Ночь надвигается темная—
Въ Вѣчность открытая дверь...

Сладко дыханіе Вѣчности,
Все предугадано въ ней...
Милая, ввѣрься безопасности
Въ блескъ планетныхъ огней!..

Вотъ подступаетъ желанія
Необъяснимый потокъ;
Въ шумахъ земного жужжанія
Тѣло—истомный цвѣтокъ.

Тѣло томится, дремотное,
Вброшено грезами въ рай...
Будь какъ лилея болотная—
Губы лобзаньямъ отдай!..

Радости музыка струнная
Тихо касается насъ...
Пали жемчужины лунныя
Въ мутные омуты глазъ.

Вижу: въ святой замедленности
Влѣдный твой ликъ задрожаль...
Это—изъ моря Влюбленности
Многомерцающій валь...

2. IX. 14.

1811

А

V

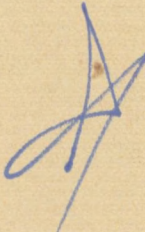

Все дальше мѣръ земли, все глуше волнъ гудѣнье,—
И мы на днѣ морскомъ...
Прими мою любовь, мое благодаренье,
Не помня ни о чемъ.

Далекій мѣръ земли таинственно отходить
И таетъ безъ слѣда...
Зеленые круги плѣнительно разводитъ
Зеленая вода.

Струятся по лицу разметанные кудри,
Лучистый взоръ течетъ...
Въ зеленой глубинѣ мы необычно мудры:
Душа къ душѣ плыветъ...

Бѣлѣютъ въ темнотѣ и бедеръ очертанья
И два холма грудей,
Но вижу я во мглѣ нездѣшнее блистанье
И тѣла и очей.

Не душу ли твою я радостно ласкаю,
Не душу ли твою
Въ объятія свои я свято принимаю
И солнечно люблю?

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПЛОТИ.

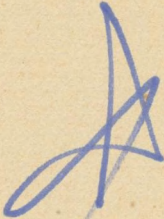
Тѣло мое и твое—двѣ благовонныя лиліи.
Ясные всплески лучей—наши земныя усилія.

Долгая наша любовь—море изъ розъ пламенѣющихъ.
Радостно намъ замирать въ грезахъ истомно-нѣмѣющихъ.

Звѣздо-небеснымъ огнемъ наши тѣла излучаются...
Вижу: во взорѣ твоемъ синія звѣзды качаются.

Солнечнымъ сномъ зажжены, вѣчной тоской просвѣтленные,
Мы и горимъ и блестимъ, нѣжно и страстно влюбленные...

Мы въ ореолѣ лучей. Каждое наше касаніе—
Въ сумракѣ мгlistыхъ ночей ангеловъ бѣлыхъ свиданіе.

НАВѢКИ ЗАПЕЧАТЛѢННАЯ.

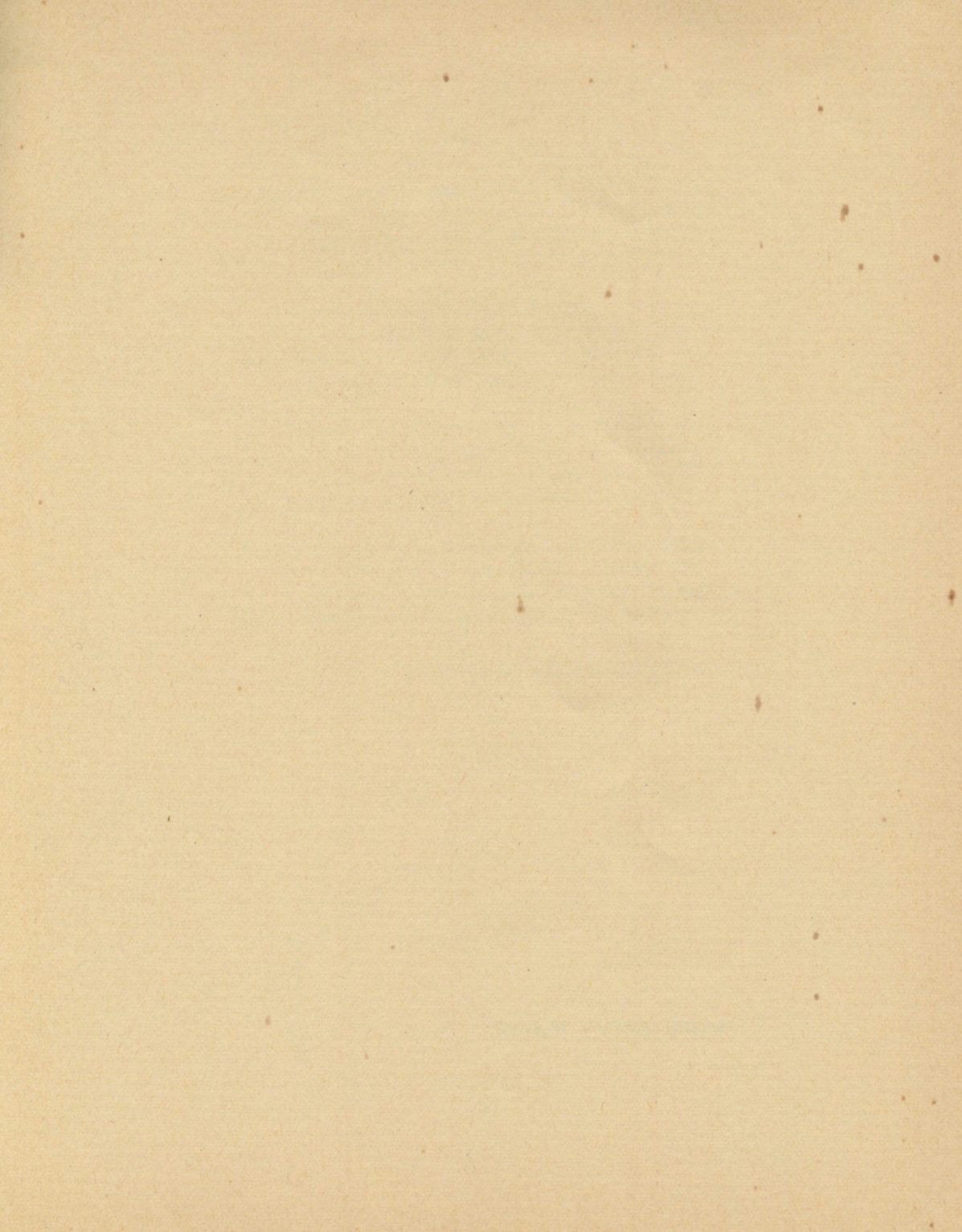
Кругомъ кольцомъ тѣснять, какъ стѣны, горы.
Но ты со мной, мой призракъ дорогой,
Моею волею вплетенная въ узоры
Блестящихъ звѣздъ, нависшихъ надъ Землей.

Лицомъ къ лицу когда гляжу я въ Небо,
Одинъ, во тьмѣ, въ томленіи тоски,
Среди полей лепечущаго хлѣба,
Въ прохладныхъ дуновеньяхъ отъ рѣки,—

Когда лицо я къ Небу обращаю,
И всюду мракъ—и цѣпи звѣздныхъ рѣкъ:
Твои черты я съ дрожью различаю,
Въ узоры звѣздъ вплетенныя навѣкъ.

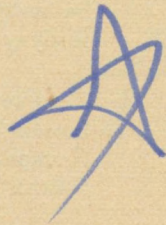
И я горю, я трепещу любовно:
О, ты со мной, мой призракъ дорогой,
Моею волею распятая безкровно
Въ узорахъ звѣздъ, горящихъ надъ Землей!

ЗОРИ СОЗНАНІЯ.

1581

6. IV. 13.

Зеленая Земля. Въ туманѣ тонуть горы.
И ближніе лѣса задумчиво темны.
Лиловыхъ облаковъ воздушные узоры—
Какъ блѣдной синевы измѣнчивые сны.

Зеркальности озеръ ласкають безконечность,
Пріемля отъ вѣтровъ пестрѣющей налетъ...
Я думаю о томъ, что существуетъ Вѣчность,
Я думаю о томъ, что это все пройдетъ.

Изъ тьмы войдетъ во тьму—и снова повторится.
И миллионъ вѣковъ спадетъ, какъ водопадъ.
И будетъ снова міръ и будетъ жизнь роиться
Въ предѣлахъ тѣхъ же роцъ и каменныхъ громадъ...

И въ сумрачныхъ лѣсахъ задумчивыя сосны
Взнесутся высоко—въ синѣющую твердь,
И снова запоютъ блистательныя весны,
Слѣща изъ тьмы во тьму—и догоняя Смерть!

О, смѣна суеты! о, хороводъ влюбленій!
О, встрѣчи губъ и тѣлъ въ живительной алчбѣ!..
Невѣдомая жизнь далекихъ поколѣній,
Глаза полузакрывъ, я отдаюсь тебѣ!

И чувствую душой, во вѣки неизмѣнной,
Что темной Смерти нѣтъ—и вѣчень Человѣкъ:
За жизнью снова жизнь: въ иныхъ краяхъ Вселенной
Я буду отбывать свой безконечный вѣкъ.

Темнѣеть. Отъ лѣсовъ текутъ ручьями тѣни.
Земля Зеленая всплываетъ въ Темноту.
Янтарная Луна, царица Сновидѣній,
Явила круглый ликъ, волнующій мечту.

Я думаю о томъ, что съ этими лѣсами
И съ глыбою Луны, кружащей близъ Земли,
Я, блѣдный человѣкъ съ пытливыми глазами,
Лечу въ нѣмую Ночь—къ звѣздящейся дали.

Я думаю о томъ, что этотъ шаръ зеленый,
Гдѣ шелестны лѣса и плещется вода,
Стремительно летитъ несчетные зоны
Какъ самолетъ-коверъ—невѣдомо куда!

9. 5. 13.

БЕЗСМЕРТІЕ.

Сегодня—я, и завтра—я, и послѣ завтра—я:
Непрерываемо въ вѣкахъ теченье бытія.

Сейчасъ сижу я и гляжу въ открытое окно,
И вижу небо, какъ его видалъ уже давно.

Сознанье жизни и того, что существую я,
Непрерываемо въ вѣкахъ, какъ и душа моя.

Воспоминанье о быломъ въ бездонности моей
Живеть съ сознаниемъ того, что «я» мое—ручей.

И нѣтъ проваловъ въ бытіи, и смерть—какъ бѣглый сонъ:
Бѣжалъ ручей, исчезъ въ корняхъ, блеснулъ—и снова звонъ.

Одно захлопнулось окно, но въ этотъ самый мигъ
Раскрылось новое въ просторъ расцвѣтностей земныхъ.

И Смерть лишь бѣглый переплескъ мерцающей струи:
Мы вѣчно чувствуемъ себя въ тѣлесномъ бытіи.

Сегодня я, и завтра я,—какъ призраки года! —
Я въ прошломъ былъ, я есмь теперь, и буду я—всегда!

17 35
A
25. III. 14.

Мы вновь одни, моя душа,
У темныхъ жизни побережій.
И тихо вѣтками шурша
Струится въ высяхъ вѣтеръ свѣжій.

Возносятся въ ночной провалъ
Высокоствольныхъ сосенъ кроны,
И тусклый мѣсяца опаль
Глядитъ на лѣсъ дремной и сонный.

Намъ странно хорошо вдвоемъ!..
Еще пройдетъ одно мгновенье
И мы забвенно уплывемъ
За грань земного сновидѣнья.

И скроются изъ нашихъ глазъ,
Душа моя, душа родная,
И мѣсяцъ, радующій насъ,
И эта видимость земная...

Мы пожалѣемъ ли о ней,
Припомнимъ ли видѣнья Мира?
— О, нѣтъ! растаетъ замокъ дней
Въ хрустальной свѣтлости эфира!

1735

25. III. 14.

СМЕРТЬ.

Настанетъ мигъ, и сердце хочеть вѣрить—
Онъ недалекъ, и плѣнница-душа
Тоскуеть въ тѣлѣ, радостью дыша,
И видитъ въ даляхъ пламенныя двери...

Настанетъ мигъ—и все, что было милымъ,
Исчезнетъ дымомъ тающимъ вдали,
И я разстанусь съ берегомъ унылымъ,
И уплыву къ мерцающимъ свѣтиламъ
Изъ изумрудныхъ гаваней Земли.

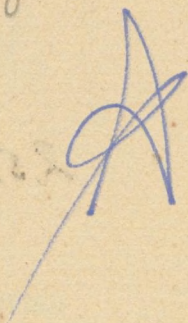
Забудется недавнее волненье
Смятенныхъ думъ, забудутся поля,
И блескъ озеръ, и темная земля,
И городовъ докучныя строенья.

И будетъ ночь, и тишь, и въ отдалении
Огни свѣтиль, и смутный перезвонъ
Глухой рѣки, таинственный какъ сонъ
О милыхъ мигахъ въ прежнемъ воплощеньи...

И, полонъ мыслей царственно-безстрастныхъ,
Я буду плыть—какъ нѣкогда во снѣ—
Въ глухую ночь къ мерцанью звѣздъ прекрасныхъ,
Въ мечтаніяхъ, томительно-неясныхъ,
О новой жизни въ новой сторонѣ.

18478

31. VII. 13.

Смерть—желанныя двери къ повторенію жизни.
Ты напрасно стремишься къ сновидѣнной отчизнѣ.

Ты уснешь и проснешься, и не вспомнишь былого,
И начнутся томленья и влюбленія снова.

Намъ завѣщено Богомъ роковое наслѣдство:
Будетъ снова, какъ было, бирюзовое дѣтство.

Снова небо прострется синевой надъ тобою,
Снова лѣсъ улыбнется изумрудной листвою.

А прояснится дѣтство, и кипучая юность
Упоительно смѣнитъ голубую бездумность.

Чьи-то губы взволнуютъ, чье-то тѣло встревожитъ,
Чей-то взглядъ мимолетный вождельнѣя умножитъ.

А потомъ достиженья, и любовныя млѣнья,
И послѣдняя горечь и тоска пресыщенья.

Годы быстро промчатся облаками цвѣтными:
Голубыми, сѣдыми и опять голубыми.

И проснется томленье по далекой отчизнѣ—
И раскроются двери къ повторенію жизни.

13. IV. 13.

ВЪ ПОЛДЕНЬ.

Подъ тнетомъ раскаленныхъ тучъ
 Природа сладостная дремлетъ.
 Бѣжитъ лѣниво свѣтлый ключъ,
 И слухъ лѣниво звону внемлетъ.

Я смутно чувствую себя,
 Душа—какъ туча въ яркомъ зноѣ.
 Самосознаніе губя,
 Пылаетъ небо голубое.

Восходитъ пряный ароматъ
 Вокругъ незримыми струями.
 Холмы далекіе кадятъ
 Волнообразными парами.

Лѣниво озеро блеститъ,
 И лѣсъ купается во влагѣ,
 И небо облачное спитъ
 Въ его хрустальномъ саркофагѣ.

Объемлетъ пламенный пожаръ
 Поля, лѣса и все земное...
 Душа моя! ты—тонкій паръ
 Въ лучахъ полуденнаго зноя!

30. VII. 13.

7 6 4 7

Все, что мчится вокруг меня
Смутнымъ бредомъ злого дня,

Думы нѣжныя язвить,
И пьянить, пьянить, пьянить...

Но для знающей души
Скрыты оуты—въ тиши,

И въ потокъ быстрыхъ дней
Я—Нарциссъ души моей.

Я гляжу въ ея затонъ,
Вижу радующій сонъ:

Вижу яркое кольцо,
Вижу милое лицо!..

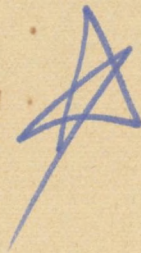
О, какъ нѣженъ дальній ликъ!
Это—свѣтлый мой двойникъ.

Это тотъ же самый я—
Въ снахъ иного бытія.

Это ангелъ. Мнѣ легко.
Міръ отвѣянъ далеко.

Въ глубяхъ свѣтится звѣзда.
Въ глубяхъ—синяя вода.

И, взирая въ синеву,
Я живу, живу, живу!..

1635-8

7. VII. 13.

Ты женщина—и ты прельстительна,
Какъ идеаль моихъ мечтаній...
Все, что не я, мнѣ отвратительно,
Во всемъ ищу моихъ сверканій.

Фата-Морганю тягучею
Видѣнья міра мчатся мимо,
Порой меня безстыдно мучая
Отравой сумрачнаго дыма...

Летятъ, мѣняя очертанія,
Потокомъ красокъ, формъ и линій,
Откидываются въ сознаніе
И пропадаютъ въ тверди синей...

И я гляжу глазами ясными
На эту пляску вихревую,
Слѣжу за образами страстными
И загораюсь, и тоскую...

О, какъ стремительно теченіе
Людей, природы, звуковъ, зданій!..
Но я—въ огнѣ самодовлѣнія—
Во всемъ ищу своихъ сверканій.

1744

A

A

2. VII. 14.

Солнце алый пламень мечеть.
Таесть въ даляхъ жизни гуль.
Вотъ и снова дымный вечеръ
Лѣсъ и поле затулуль.

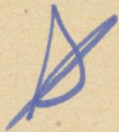
Вотъ и вновь изъ глазъ раскрытыхъ
Смотрить въ мѣръ моя душа:
Все земное мглой повито,
Мгла надъ мѣромъ хороша.

Рѣютъ грезы вѣковыя...
Выявляетъ что-то мгла.
Вспоминаются бывлыя
Жизни, лица и дѣла.

Дальше—больше. Нѣтъ предѣла!
Гдѣ истоки?—не найду.
Такъ извѣчно жизнь летѣла,
Ты, душа моя, въ бреду!

Дальше—больше,—нѣтъ предѣла.
Этотъ мигъ не въ первый разъ:
Ты всегда вотъ такъ глядѣла
Въ дымный мѣръ изъ тусклыхъ глазъ.

1824

6. Х. 14.

Сливаю мысль свою съ вѣками,
На жизнь изъ Вѣчности гляжу,
И равнодушными глазами
Игру смятенную слѣжу.

Летать въ туманномъ отдаленьи
Шары свѣтящихся планетъ,
На каждой вихрятся явленья
И солнца сыплють рдяный свѣтъ.

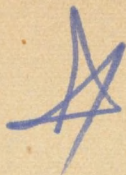
И все по новому прекрасно
На каждой мчащейся землѣ,
И тѣло къ тѣлу никнетъ страстно,
И души свѣтять въ дымной мглѣ...

И все летить, покорно волѣ
Моей сокрытой глубины,
И каждый вѣренъ данной долѣ,
И каждый вброшенъ въ тѣ же сны.

Я былъ, я есмь, я вѣчно буду:
Я въ глубинѣ и я во мглѣ,
И жизнь моя, подобно чуду
Течетъ на сладостной землѣ.

И я изъ далей созерцаю
Событій вихрящийся дымъ,
И равнодушно наблюдаю
За отраженіемъ своимъ.

15 34 - a

18. 7. 13.

БЫТІЕ.

Проходить все. И все, что страстно манить—
Настанет мигъ—исчезнетъ позади...
Стрѣлами быстро мчащимися ранить
Колдунья-жизнь, сама Любовь обманеть,
Лишь шепчетъ вѣтеръ вѣчное «иди!»

Земная жизнь есть прохожденіе тѣни,
Сказалъ мудрецъ великій Соломонъ...
И подъ горячимъ бременемъ томленій
Добавлю я: въ жужжаніи мгновеній
Земная жизнь есть непрерывный сонъ.

Безсмертно Я, и все—его одежда,
Его измѣнчиво-струящійся покровъ...
Живетъ въ душѣ упорная надежда,
Что Смерти нѣтъ, и хоть сомкнутся вѣжды,
Начнется вновь теченіе новыхъ сновъ...

О, жуткое безуміе Безсмертья!
Куда уйти? Мнѣ страшно вѣчно жить!
Хочу себя стремительно стереть я,
Гляжу съ тоской въ лазоревую твердь я,
Но крѣпокъ сонъ—и некуда уплыть.

Извѣчно Я въ многообразья Тѣла
Струить лучи во имя Бытія;
Весь Міръ—тюрьма, которой нѣтъ предѣла;
Покинуть Міръ—немыслимое дѣло;
И жизнь горитъ въ разноявленьяхъ Я!

18. 7. 14.

1764

И это жизнь: смятеніе людей,
Звонки трамваевъ, свистъ локомотива,
Извилисто въ далекостяхъ полей
Пропавшаго змѣю грохотливой...

Глядитъ душа сквозь окна тусклыхъ глазъ
И, удивляясь, недоумѣваетъ,
И ждетъ: придетъ желанный чуда часъ—
И міръ, какъ дымъ, совьется и растаетъ.

Гляжу въ окно: подъ зонтикомъ цвѣтнымъ
Проходитъ дѣвушка. Уста ея пьянщица...
Уйти бы съ ней въ зеленолиственный дымъ
Прохладно-влажной, шелестящей чащи!

Зажать виски, откинуть въ изумрудъ
Ея лицо съ померкшими глазами,
И въ жуткомъ снѣ прикинувшихъ минутъ
Вбирать уста тоскливыми устами...

Она ли это? Мигъ—и нѣтъ ея...
Скользятъ валы съ зеленого откоса,
И я плыву изъ блеска бытія
Въ небытіе родимаго Хаоса.

Дзинь! Гу-гу-гуу!.. Промчался въ изумрудъ
Автомобиль... мелькнулъ букетъ сирени...
И это—жизнь? О, быстрый летъ минутъ,
Остановись: я не хочу видѣній!

1649
5. VIII. 13.

Вечерней свѣжестью овѣялись поля,
Лѣсъ отодвинулся куда-то въ отдаленье...
Молчить Зеленая Земля
Въ таинственномъ отдохновеньи.

Звѣзда зеленый лучъ изъ синихъ шлетъ пространство
Вонъ тамъ, надъ лѣсомъ, на востокѣ...
Я чувствую полночныхъ пьянствъ
Потокъ незримый, но широкій.

Еще хранять лазурь пустыя небеса,
Но мгла струится по дорогамъ.
Отъединилися лѣса
Въ молчаньи сумрачномъ и строгомъ...

Душа моя! Раскрой себя.
Позволь валамъ ночныхъ мистерій
Войти въ пустынную тебя
Волшбой старинныхъ суевѣрій!

Молчанье. Мраки изъ лѣсовъ
Ползуть, какъ змѣи, на поляны,
И вдаль—изъ царства сновъ—
Звѣзда лучемъ сверлитъ туманы.

Молчанье. Сумрака валы...
И блѣдныхъ звѣздъ возникновенье
Надъ доломъ, полнымъ сизой мглы...
Душа! Познай свое рожденье!...

1781

28-29. VI. 14.

Мой вола —
— Карлсгоф.

✓
Душа! Ты помнишь прежнія скитанья
Въ такой же часъ по берегу морскому,
Луны надъ моремъ тусклое блистанье
И странныхъ думъ дремотную истому?

Ты помнишь шорохъ-шелестъ волнъ невнятный,
Струисто обтекающихъ каменья?—
Что было разъ, то будетъ многократно:
Душа плыветъ сквозь гроты повторенья.

И этотъ мигъ у берега морского:
И мгла надъ моремъ и луны сиянье—
Еще не разъ въ томлени сна земного
Обворожатъ плѣненное сознанье.

И можетъ быть, когда-нибудь, случайно,
Въ такой же часъ неяснаго томленья,
Въ кипѣнны думъ, во снѣ необычайномъ,
Припомнишь ты свое возникновенье.

1727 A

4. II. 14.

1-4

Земля летитъ въ пространствахъ Ночи.
И мы одни въ глуши полей...
Не потупляй стыдливо очи!
Не прячь томящихся грудей!

Освободись отъ тѣсныхъ тканей
И встань подъ звѣздами нагой:
Въ кипѣнни чувственныхъ желаній
Иная ты и я—иной.

3

Мы на таинственной планетѣ
Несемся въ безднахъ безъ пути...
Взгляни на высь, на сосны эти,
Пойми—и радость ощути.

4

Преобразившіяся очи
Раскрой широко, и на мигъ
Почувствуй древность этой Ночи
И глуби безднъ ея сѣдыхъ.

5

Познай: плѣнительно-чудесный
Весь этотъ міръ—лишь снится намъ;
Сомкнемъ глаза, прижмемся тѣсно
И отдадимся временамъ!

6
Гляди:—ты видишь?—Финикия.
Вонъ страстный сонмъ ея богинь...
Тѣла сплетаются нагя...
И надо всѣмъ простерта синь...

7
Вотъ въ храмѣ сладостной Милитты,
Ты—жрица и пришелець—я,
Покорны волѣ неизбытой,
Трепещемъ въ зноѣ Бытія...

*В мѣсто и им и. зина
гугмасы танжи тавы*

8
Я помню въ зыбкости куреній
Тебя, простертую какъ трупъ,
И алюю, въ изнеможеньи
Развернутую мякоть губъ...

Ван

9
А вотъ восходятъ пирамиды...
Пески, лазурь и тѣ же сны:
Причастны таинствамъ Изиды,
Мы снова въ ласкахъ сплетены.

10
Предѣловъ нѣтъ, мы были вѣчно,
Мы протекали по вѣкамъ,
Сними одежды, будь безпечна,
Внемли глубиннымъ голосамъ!

*изъ бездну
вверхъ тупу,*

11
Ты помнишь: въ храмахъ Афродиты,
Въ покровяхъ тьмы и въ блескѣ дня,
Мы также властно были слиты
Съ ночнымъ началомъ Бытія.

12
Въ потокѣ сладостныхъ до боли
Касаній, трепетовъ и ласкъ,
Мы жаждали безмѣрной воли,
И томныхъ нѣгъ, и буйныхъ пляскъ...

13
И млѣла сумрачная Ктейсь,
И жгучій Фаллусъ пламенѣлъ,
И мы сплеталися, какъ змѣи,
Истомнымъ клубомъ бѣлыхъ тѣлъ...

06
Безильны лживыя преграды
Смертей, сознаний и время:
Вдыхая токъ ночной прохлады,
Мы знаемъ снова жизнь какъ сонъ.

18
И мы видѣній не забудемъ,
Пылая въ сумракъ пучинъ,—
Мы были, есть и вѣчно будемъ,
И всѣ вѣка—какъ мигъ одинъ!

1542-a

22.5.13.

ПЛѢНЪ.

Душа тоскуеть безпрерывно
Подъ міровою синевою...
И кто-то злобною рукой
Бренчить на струнахъ заунывно...
И кто-то тѣшится игрой!..

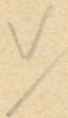
Ты—здѣсь, ты—тамъ, ты—снова, снова
Въ неумираемости тѣль...
О, не стремися за предѣль
Круговращенія земного!..
Безсмертье въ тѣль—твой удѣль!..

Сегодня здѣсь, а завтра тамъ,
Безъ памяти о предыдущемъ...
Рожденные единымъ Сущимъ,
Мы протекаемъ по тѣламъ
Потокомъ горестно поющимъ!..

1.670

2. X. 13.

Въ пляскѣ вѣчныхъ измѣненій
Дымныхъ отблесковъ игра...
Всѣ мы тѣни, всѣ мы тѣни
Вкругъ гигантскаго костра!

Возникаемъ, умираемъ,
Лихорадочно блестимъ,
И стремительно вplyваемъ
Въ разрастающійся дымъ...

Высоко подь небомъ синимъ
Пламя вѣчно будетъ бить,—
Мы на мигъ одинъ лишь сгинемъ,
Чтобы снова гдѣ-то жить.

Нашей сумеречной сказкѣ
Нѣтъ предѣла, нѣтъ конца...
Всѣ мы маски—маски, маски!—
Съ томной блѣдностью лица.

Мы мгновенно возникаемъ
И внѣдряемся въ года,
Но кого изображаемъ
Не узнаемъ никогда.

Многотайна, полнозвѣдна,
Но сокрыта и темна,
Всѣхъ насъ страстно манить бездна
Изъ пылающаго сна.

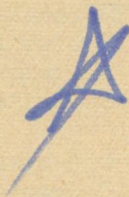
Пламенѣя какъ зарницы,
Всѣ мы носимся надъ ней...
Мы лишь огненныя птицы
Въ жгучихъ сферахъ жгучихъ дней!..

О, безумье измѣненій!
О, безцѣльная игра!
Всѣ мы тѣни—только тѣни
Вкругъ гигантскаго костра.

О, мерцательныя пляски
Въ этой сказкѣ безъ конца!..
Всѣ мы маски—только маски
Неизмѣннаго Лица.

1654

11. VIII. 13.

НА ПУТИ.

Лучемъ таинственнымъ дрожить мой умъ
Въ кипѣнни огненномъ извѣчныхъ думъ.

Исканья Истины здѣсь на Землѣ—
Луча дрожаніе въ волнистой мглѣ.

Обманно зрѣніе, коваренъ слухъ—
Обманы цѣпкіе объемлютъ духъ.

Маячить въ сумракѣ неясный свѣтъ,
Сегодня виденъ онъ, а завтра—нѣтъ!

О, какъ почувствовать единый зовъ?
Какъ оградить себя отъ ложныхъ сновъ?

1769

25. V. 14.

Душа и тоскуетъ и плачетъ въ медлительныхъ дняхъ.
Но бѣлому тѣлу такъ сладко въ зеленыхъ тѣняхъ.

Земные пьянятъ ароматы и тѣло и духъ.
Хрустальная музыка влаги вливается въ слухъ.

Изгибно бѣжить въ изумрудѣ бурлящей ручей.
На небѣ—по склонамъ сапфирнымъ—потоки лучей.

Земля—восходящей въ Лазурность смарагдовый храмъ:
Подобны колоннамъ деревья и строгимъ свѣчамъ.

А какъ упоительно тихо въ синѣющей часъ:
Уже закатился въ бездонность палящей алмазъ...

Упалъ въ смарагдинное море темнѣющихъ рошъ,
Струя на земныя равнины рубиновый дождь...

Лепечеть ручей полногласнѣй, привѣтствуя тьму.
И дальнія сосны синѣютъ въ закатномъ дыму...

Душа, успокойся и мудро замолкни въ тѣняхъ,
Пойми: не напрасно томленье въ медлительныхъ дняхъ.

Таинственень въ сумракъ пряномъ тѣлесный расцвѣтъ.
Прекраснѣй его во Вселенной и сладостнѣй—нѣтъ.

Какъ розовый пламень лампы въ келейной тиши,
Мерцаетъ въ туманѣ тѣлесномъ свѣтильникъ души.

Свершается таинство Духа въ земной темнотѣ,
Моленье иной, сокровенной, святой Красотѣ.

Возносятся черныя сосны къ пустымъ небесамъ...
Свершается тайная месса. И тѣло—какъ Храмъ.

1784-а.

12. VII. 14.

У

Теряю я души ограниченье:
Душа во всемъ живетъ.
Міръ—глубина, гдѣ все полно значенья,
Гдѣ все—водоворотъ.

Въ клубящійся хаосъ явленій и событий,
Какъ камень въ глубину,
Я падаю стремглавъ для радостныхъ открытій,
И въ сумракѣ тону!

Расходятся круги туманныхъ сновидѣній
Въ моей же глубинѣ...
Къ чему вся эта ложь, зачѣмъ всѣ эти тѣни?—
Я знаю: міръ—во мнѣ.

Мерцанія людей, ихъ душъ возникновенья—
Мельканіе свѣтилъ.
Какой-то цѣльный валъ на мелкія мгновенья
Не я ли раздробилъ?..

Теряю я души ограниченье...
Душа и Ночь—одно.
Міръ—глубина, въ которой все значенья
Безмѣрнаго полно.

1853

18. XII. 14.

Пѣсня земная—рыданія скорбной души—
Въ сумракъ синяго вечера сладостно плачется...
Чутко застыли надъ блѣдной водой камыши...
Скоро звѣзда въ голубыхъ глубинахъ обозначится...

Кто это плачетъ подъ синею бездной небесъ?
Кто, озаренный закатомъ, груститъ о потерянномъ?..
Вѣтеръ струится... отвѣтствуетъ шорохомъ лѣсъ...
Дымное озеро плещетъ въ дыханьи размѣренномъ...

Вѣтеръ... и сладостный запахъ воды и земли...
Съ млѣющимъ тѣломъ безсильно душа обручается...
Алое дѣйство заката пылаетъ вдали...
Въ неизрѣченное таинство жизнь претворяется...

Сердце груститъ, какъ и все на Зеленой Землѣ:
Кто-то нездѣшній сумѣлъ обольстить и увлечь его...
Пѣсня земная тоскуетъ и плачетъ во мглѣ—
Тамъ, гдѣ-то тамъ, гдѣ-то тамъ: у жилья чело-
вѣчьяго...

Есть ли предѣлъ тоскованьямъ души на Землѣ?..

1788

27. VII. 14.

ВЪ НОЧАХЪ МІРА.

Лѣтняя ночь—темна. Ночь міровая темнѣй.
Милая, слушай меня: міръ—глубина.
Тихъ предполночный часъ. Бархатнокрылыхъ тѣней
Мчится за роемъ рой. Ропщеть волна.

Милая, страшно мнѣ! Слушай, какъ звонка высь!
О, какъ бездонна жизнь! Міръ—глубина!
Въ темную глубь глядись. Вѣщей душой молись.
Надо извѣдать жизнь, надо коснуться дна!

Дай мнѣ уста свои. Ближе ко мнѣ прильни.
Слушай! Ты слышишь ночь? Слышишь, идетъ волна?
Видишь кипящій блескъ? Помнишь былые дни?
Помнишь въ быломъ—огни? Міръ—глубина.

1858

29. XII. 14.

Какая скорбь въ глубинахъ нашей жизни!
Мяется духъ и день летитъ за днемъ...
Сквозь томный зной къ таинственной отчизнѣ
Ужели мы съ тобой не поплывемъ?

Въ страстномъ жару пылающихъ желаній
Извѣрилась, исплакалась душа...
О, жгучій міръ тѣлесныхъ волхованій!
О, тонкій шумъ земного камыша!

Скрываетъ глубь играющая пѣна...
Груститъ душа, и жизнь летитъ какъ дымъ.
Исторгнуть духъ изъ пламеннаго плѣна
Ужели мы съ тобой не захотимъ?

1760

2. V. 14.

Уйдемъ въ былое. Столъ накрытъ для чая.
Подъ грузомъ косъ склонилась голова.
И синій взоръ, лукавство означая,
Мнѣ говоритъ древнѣйшія слова.

Я вспоминаю аромать сиреней
И томный воздухъ лѣтнихъ вечеровъ...
Душистый вѣтеръ, вѣя отъ луговъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ изнемогаль отъ лѣни.

Глаза склонивъ, мы уходили въ тѣни.
И дальній лѣсъ синѣлъ, синѣлъ—и звалъ.
Хрустальный вѣтеръ волосы ласкалъ.
И я дрожалъ отъ смутныхъ вождедѣній.

Любовь-влюбленность! Свѣжій вѣтеръ Мая!
Святая прелесть дымчатой Луны!
Лѣса, поля, прохлада водъ ночная—
Вы быть должны, и вы пройти должны!

Я вспоминаю всѣ свои влюбленья
И этотъ первый, жуткій поцѣлуй,
Когда Луна шепнула: «торжествуй!»
И я впервые понялъ вождедѣнье.

Зубовъ оскаль, закинутый въ томленьи
Оваль лица и долгй, блѣдный взоръ...
Какъ много дней промчалоса съ тѣхъ поръ!
Какъ странно невозможно повторенье!

Склони глаза, поникни головою.
Взгляни еще—и проструи свой взглядъ.
Иль нѣтъ: уйди! Безсиленъ страсти ядъ.
Не обольщусь ни мигомъ, ни тобою.

Душа прозрѣвъ, не вѣритъ больше въ сны,
Не можетъ вѣритъ, и молчитъ, тоскуя,
И сладкій ядъ былого поцѣлуя
Не возмутитъ затоновъ глубины.

1885

A

15. III. 15.

Себя я не предамъ огню мечты мгновенной,
Въ одной моей душѣ святой огонь горитъ.
Земное на Землѣ да не вмѣститъ Вселенной—
И Женщина меня не удовлетворитъ.

И пусть она шумитъ—смятенная стихія
Безумно-быстрыхъ дней! Я свѣтъ иной ловлю.
Провижу я тебя, небесная Софія,
Въ дали души моей, какъ глубину мою!

И что—о, что еще я захочу отъ міра?
И что—о, что еще отъ жизни захочу?
Предчувствую тебя въ пустынной тѣмѣ эфира,
И въ глубинахъ своихъ твой образъ расцвѣчу.

1762

8. V. 14.

Будетъ мигъ несказанно-простой,
Какъ широкая дверь:
Я разстанусь съ Зеленой Землей
И не вспомню истомныхъ потерь.

Перейду за земную черту—
И останусь одинъ...
И Земля отлетитъ въ темноту
Изначально-влекущихъ глубинъ.

По спиралямъ незримыхъ орбитъ
Въ хаотической дымъ—
Полетитъ, полетитъ, полетитъ
Съ истлѣвающимъ тѣломъ моимъ...

1625

18. VI. 13.

Когда корабль отчалить въ Океанъ—
Въ сѣдую мглу мечтающихъ тумановъ,—
Я совлеку съ себя вуаль обмановъ
И буду новымъ свѣтомъ осіянь.

Забудутся картиной сновидѣнья
Земная жизнь, зеленые лѣса,
И синія надъ ними небеса,
И мелкихъ думъ бесплодныхъ волненья...

И станетъ недѣйствительнымъ, какъ сонъ,
Весь смутный циклъ прочувствованной жизни,
Когда, какъ встарь, въ таинственной отчизнѣ
Корабль души задремлетъ, утомлень...

Величественно-гордое всезнанье
Прострется тишиною надъ душой,
И берега, оставленные мной,
Растають и въ дали воспоминанья.

1690

7. XI. 13.

Я навсегда одинъ останусь,
Мой путь въ туманахъ одинокъ.
Иду по собственному плану,
Въ себѣ храня свой грозный рокъ.

Весь миръ—миражъ, всѣ люди—тѣни,
Я это знаю, но боюсь,
Что лживымъ отсвѣтомъ видѣній
Хоть на мгновеніе зажгусь.

Порой встаетъ какъ пламень пышный
Любовь земная—и горитъ:
И льется шопотъ елеслышный,
И чей-то синій взоръ манитъ.

И хочется повѣрить страстно,
Что въ темныхъ безднахъ бытія
Еще есть кто-то яркій, властный,
Такой же думный, какъ и я,—

Такой же вѣчный, несомнѣнный,
Такой же огненно-живой,—
И въ ослѣпленности мгновенной
Грустишь о встрѣчѣ роковой.

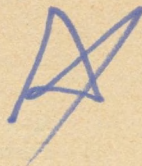
Но что земное опьянение
Для прозрѣвающей души!—
Рѣки могучее теченье
Не остановятъ камыши.

Мой путь далекъ. Въ прошедшемъ много
Планетъ, личинъ и быстрыхъ лѣтъ,
И все еще бѣжитъ дорога
Въ туманъ несущихся планетъ.

Ничто меня не остановитъ,—
Я самъ въ себѣ несу свой рокъ,—
Ни пламя лживое любви,
Ни суеты земной потокъ.

Все—тусклый сонъ. Все—бредъ минутный,
Меня плѣнившій: мой же бредъ.
Есть только я и призракъ смутный,
И ничего иного нѣтъ!

1557-В

22. II. 13.

ПУТЬ.

Я иду къ Себѣ сквозь дебри темныя
Искушеній и цвѣтовъ земныхъ,
Подымаются они, истомные,
Тысячью сплетеній роковыхъ.

Знаю, сладкій аромать тѣлесности
Расточить въ просторахъ не легко,
Но иду къ туманной неизвѣстности,
Вѣруя въ блаженство глубоко.

Истина—мое вооруженіе,
И ничто не устрашитъ меня,
Сохранить меня отъ загрязненія
Свѣтлыхъ мыслей свѣтлая броня.

Проходя долинами зелеными,
Неизбѣжную земному дань
Я отдамъ съ мечтами вознесенными,
И уйду за пламенную грань.

Отдавая тѣло сладострастію,
Буду чистъ и радостень душой,
И приду къ незыблемому счастью
Вѣчнаго слиянія съ Собой!

28. IX. 14.

1846

Не Тебѣ, но Себѣ отдаленному—
Восхваленья, моленья и гимны..
Одѣянья тѣлеснаго дымны..
Тяжело въ темноту заключенному!..

Совлекаю одежды желанія,
Отвѣваю навязчивость Мира,
Уплываю блаженно и сиро
За кошмарную явь Мірозданія.

Утѣшаюсь минутнымъ свиданьемъ
И стараюсь понять преступленіе,
За которое вброшенъ въ видѣнія
И наказанъ далекимъ изгнаньемъ.

Но безсильно земное сознаніе..
Непостигнуты таинства Рока..
Я опять упадаю до срока
Въ сновидѣнный угаръ Мірозданія...

Отдаюся въ мгновеньяхъ мгновенному,
Принимаю житейскія схимы,
И опять многоцвѣтные дымы
Воскурю Себѣ, неизмѣнному.

1817

A

26. IX. 14.

Корабль души плыветъ по сумрачнымъ морямъ...
О, не дремли, мой свѣтлый кормчій!
Пусть волны о борта порою бьются громче,
Но ты слѣди свой путь по звѣзднымъ маякамъ.

Во мглѣ земныхъ морей въ густой тѣни вѣтвей
Не мало пристаней, гдѣ волны въ темныхъ скалахъ
Едва шевелются въ движеніяхъ усталыхъ,
Гдѣ много сумрачныхъ тоскуетъ кораблей.

Но въ дымахъ тьмы мірской мой путь совсѣмъ иной...
Мерцаютъ въ тусклой мглѣ небесныя свѣтила...
Нисходитъ на душу невѣдомая сила...
О, кормщикъ, не дремли въ томлени тьмы земной!

Прислушивайся къ снамъ, гляди на небеса!
Веди корабль души сквозь сумракъ и обманы
Къ таинственной чертѣ, гдѣ смутно сквозь туманы
Чуть брезжитъ узкая разсвѣта полоса!

22. VI. 13.

1628
A

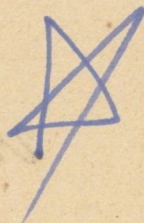
Я вижу себя въ сновидѣніи
Блуждающимъ гдѣ-то вдали,
Въ обманахъ Зеленой Земли,
Путями любви и томленія...

И странно Мнѣ видѣть себя
Въ туманной зеркальности Времени,
Подъ гнетомъ тѣлеснаго бремени
Живущимъ, земное любя.

Мнѣ странно: изъ мглы отдаленія
Таинственный сонъ созерцать
И въ этомъ же снѣ пребывать
Видѣньемъ среди сновидѣнія!

1630

23. VII. 13.

ПРИЗЫВЪ.

Всѣхъ, кто хочетъ итти въ Бесконечность,
Я зову: приходите ко Мнѣ,
Я горю въ необманномъ огнѣ,
Я—ворота, ведущія въ Вѣчность.

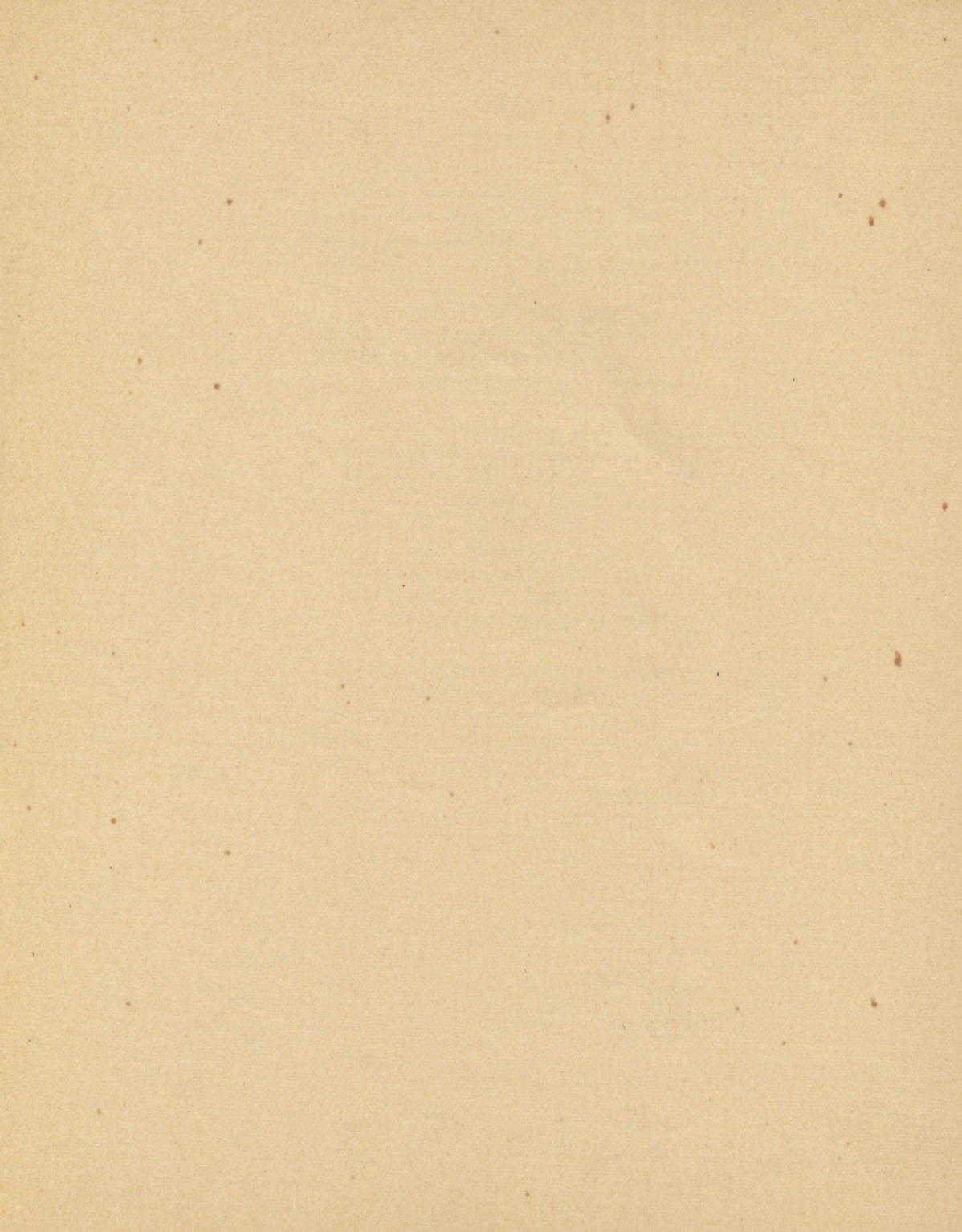
Я—окно. Подойди—погляди,
Ты увидишь безкрайныя дали,
И въ невѣдомо-сладкой печали
Затоскуешь на темномъ пути.

За мою душою дорога
Изъ тумановъ земной тѣсноты
Къ просвѣтленью иной красоты,
Въ пламязарныя гавани Бога.

Не гляди на мечтаній узоръ:
То—последнихъ тумановъ завѣса,
То—цвѣтные столбы Геркулеса,
За которыми вѣчный просторъ...

Не смущайся: прозрачнымъ вуалемъ
Ниспадетъ сладострастный обманъ,
И, какъ солнце, блеснетъ океанъ,
Уводящій къ таинственнымъ далямъ.

И ЕЩЕ...

13. III. 14.

1783

ЗЕМЛЪ ЗЕЛЕНОЙ.

Земля Зеленая! Качели ароматовъ.
Вечерніе луга. И блѣдный небосклонъ.
Благоговѣйныя пыланія закатовъ.
И сумрачной рѣки меланхолическій звонъ.

Въ задумчивую высь взносящіяся сосны.
Согласность. Полнота. Молитвенная тишь.
И влажный вѣтерокъ. И холодъ склоновъ росныхъ.
И въ быстромъ бѣгѣ струй трепещущій камышь.

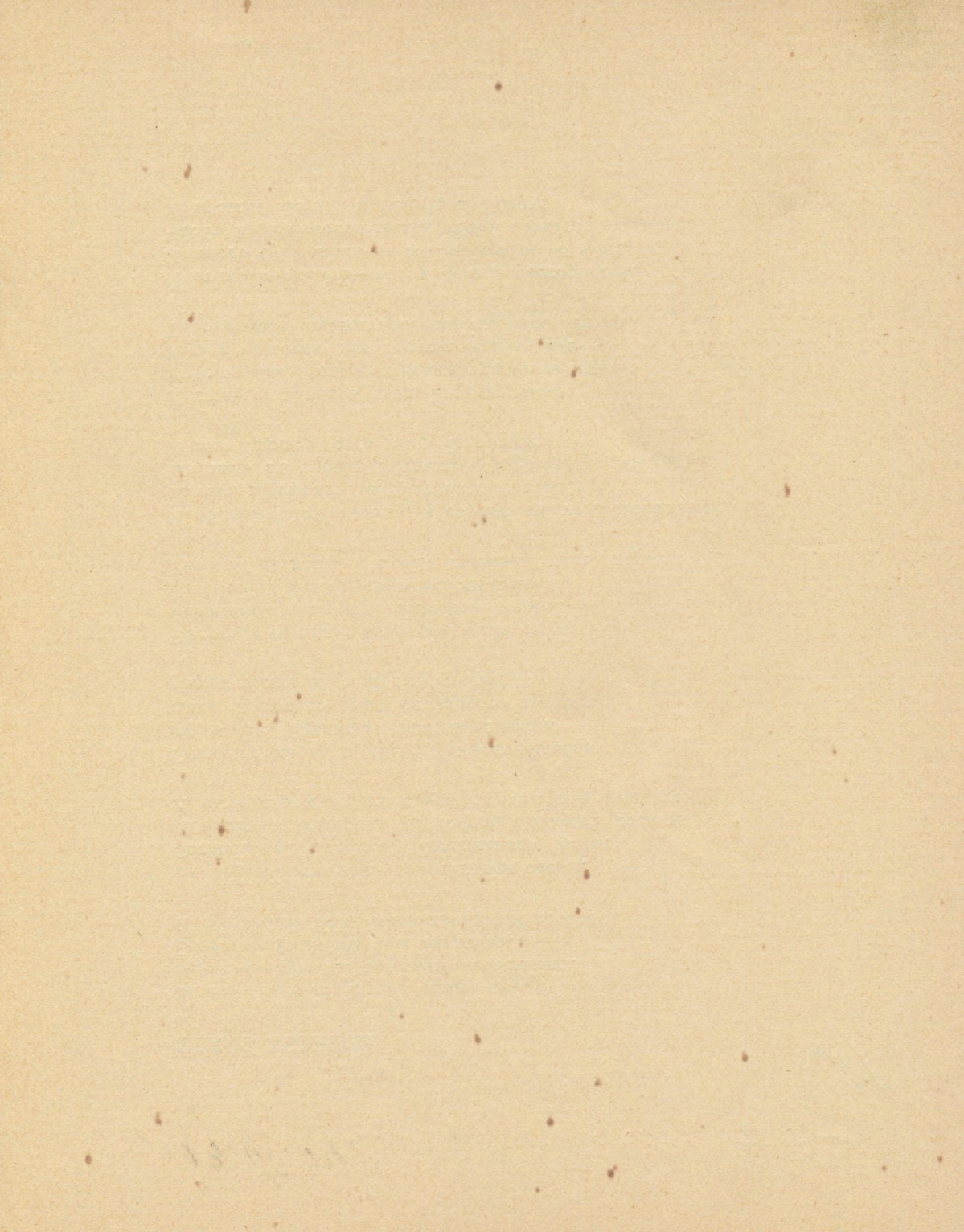
Гляжу: рѣка въ лунѣ. Чугунною рѣзью
Надъ нею, блѣдною, нависли дерева...
Какъ благостно душѣ бесѣдовать съ тобою!
Какая тихая надъ міромъ синева!

Бѣгутъ у голыхъ ногъ воркующія струи
Разрывной пестротой опаловой игры...
О, пышная Земля, святыя поцѣлуи
Твоихъ вѣтровъ и струй приѣмлю, какъ дары!

Я вѣрный твой пѣвецъ, я страстный твой любовникъ,
Я твой іерофантъ, и буду имъ навѣкъ!
Цвѣтетъ въ твоихъ вѣтрахъ души моей шиповникъ,
И имя высшее есть имя: Человѣкъ!

И стану я впивать твои напечатлѣнья
И милліоны лѣтъ въ твоихъ туманахъ млѣть:
Мнѣ Вѣчностью дано святое назначенье—
Твой образъ сладостный свѣтло запечатлѣть.

И стану я любить—чтобъ сердце разгоралось,
И много буду пѣть—и въ солнцѣ и во мглѣ,
Чтобъ въ Вѣчности жила, чтобъ навсегда осталась
И музыка Земли, и память о Землѣ!

СОДЕРЖАНІЕ.

Возвѣщеніе	7
1. Въ Земной Зелености.	
Точно шить, оброненный нечаянно	11
Весеннее	12
У взморья	13
Вечернія мгновенія	14
Ночь окутала стройныя сосны	15
Воспоминаніе	16
Извѣчный Ночи хмель	17
Два порыванія	18
Въ ночномъ	19
Въ бурную ночь	20
Мигъ. Былъ тихій вечеръ	21
Ночной мигъ	22
Пантеистическое стихотвореніе	23
Упала ночь на вѣтви темныхъ сосенъ	24
Сонетъ вечерній	25
Ночь	26
На кладбищѣ	27
Въ воротахъ Мгновенія	28
Передъ грозой	29
Моей землѣ	30
Истомная сказка	31
Дневная музыка умолкла	32
Брызги теплые бросая	34
Осень. Входятъ копыя многолѣтнихъ сосенъ	36
Осенній сонетъ	37
Осенній покровъ	38
Осенью. Осенній ядъ и запахъ увяданья	39

Въ лѣсу	40
Въ морѣ Вечера	41
Въ башнѣ	43
Въ вѣчномъ завлеченіи	44
Бываютъ миги сонной нѣги	46
Темною массой воды и земли и растеній	47

II. Тамъ—въ дняхъ.

Искусъ	51
Смѣняетъ день пунцовосиній вечеръ	52
По кругу	53
Изъ прошлаго	54
Ребенку	55
Земныя воспоминанія	56
Такъ было	57
Садъ. Мы сойдемъ съ вечерѣющей тишью	58
На морѣ	59
Въ лунатическомъ сщплени	60
Подъ грузомъ косъ ты головой склонилась	61
Шумный день прошелъ	62
Колдовство рѣчное	63
Въ вѣтрахъ воспоминаній	64
Городу	65
Проститутки плосконосою наглый смѣхъ	66
Кошмарный сонъ	67
1. Въ Городѣ	67
2. На улицѣ	68
Мы пляшемъ, мы пляшемъ	70
Въ церкви. Лики иконъ золотыхъ	71
Дымныя равнины	73
Все глядитъ въ изумленіи	74
Какъ отрадно уйти отъ селеній	75

III. Вѣчная Мистерія.

О, какъ я чту завѣтныя свиданья	79
Блуждающая улыбка	80
Дремота. Задремали сосны	81
Въ звонахъ	82

Тебя я вижу въ этой жизни сѣрой	83
Другу, Ласкать Альдонсу, вѣря въ Дульцинею	84
На Землѣ. Клонятся буйныя вѣтви	85
Встрѣча	86
Въ церкви. Къ жаркому рту твоему	87
Надъ лѣсами зажглася Звѣзда	88
Утвержденіе	89
Единственной	90
Милая, сердце истомное	91
Все дальше міръ земли	92
Преображеніе Плоти	93
Навѣки запечатлѣнная	94

IV. Зори Сознанія.

Зеленая Земля	97
Безсмертіе	99
Мы вновь одни, моя душа	100
Смерть. Настанетъ мигъ	101
Смерть—желанныя двери	102
Въ полдень	103
Все, что мчится вокругъ меня	104
Ты женщина—и ты прельстительна	105
Солнце алый пламень мечетъ	106
Сливаю мысль свою съ вѣками	107
Бытіе	108
И это жизнь	109
Вечерней свѣжестью овѣялись поля	110
Душа! ты помнишь прежнія скитанья	111
Земля летитъ въ пространствахъ Ночи	112
Плѣнь. Душа тоскуетъ непрерывно	115
Въ пляскѣ вѣчныхъ измѣненій	116
На пути	118
Душа и тоскуетъ и плачетъ	119
Теряю я души ограниченье	121
Пѣсня земная—рыданія скорбной души	122
Въ Ночахъ Міра	123
Какая скорбь въ глубинахъ нашей жизни	124
Уйдемъ въ былое	125
Себя я не предамъ огню мечты мгновенной	127

Будетъ мигъ несказанно-простой	128
Когда корабль отчалить въ Океанъ	129
Я навсегда одинъ останусь	130
Путь. Я иду къ Себѣ	132
Не Тебѣ, но Себѣ отдаленному	133
Корабль души плыветъ по сумрачнымъ морямъ .	134
Я вижу себя въ сновидѣннн	135
Призывъ	136

V. И еще...

Земль Зеленой	139
-------------------------	-----

СУЩЕСТВЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
13	4 снизу	тканей.	тканей
22	11 сверху	чашъ...	чашъ...
39	1 „	ядъ	салъ
63	6 снизу	соблазны.	соблазны
90	5 сверху	мечтъ,—	метъ,—

1 руб.